

Ю. Д. Утусиков

ОТ ОБСКИХ БЕРЕГОВ ДО МОСТИКА «ОБИ»

БИБЛИОТЕКА морского наследия

Юрий Дмитриевич Утусиков

От Обских берегов до мостика «Оби»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3165565

От обских берегов до мостика «Оби»: Морское наследие; Санкт-Петербург; 2012

ISBN 978-5-905795-01-5

Аннотация

На страницах книги оживают воспоминания паренька из сибирской деревни, ставшего капитаном дальнего плавания, участником нескольких советских антарктических экспедиций и кругосветного плавания, более 30 лет проведенного в море. Трудное военное детство и воспитание в трудовой семье с крепкими казачьими корнями, способствовали формированию твердого характера, а уроки, полученные в Ленинградском мореходном училище, а затем под руководством известнейших полярных капитанов помогли подняться на мостик легендарного флагмана советских антарктических экспедиций – дизель-электрохода «Обь».

Содержание

Глава 1 Земля наша сибирская	4
Вместо предисловия	4
Вспоминая...	5
Детские шалости	13
Конь ты мой вороной	14
Помощничек	15
Школьные годы	17
Сенокос	21
Встреча с хозяином тайги	24
Экспедиционники	29
Школьные наставники	30
Прощай, школа	33
О спортивных делах	37
Спустя полвека	40
Октябрьское	44
Встреча с земляками	50
Глава 2 Училище	57
Первокурсники	57
Под парусом	65
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Юрий Дмитриевич Утусиков

От обских берегов до мостика «Оби»

Глава 1 Земля наша сибирская

Вместо предисловия

В начале 2006 года на мой адрес пришло письмо из далекой Югры от заведующего музеем Октябрьской школы, которую я окончил полвека назад. Начиналось оно словами: «Если Вам хочется хоть ненадолго возвратиться в детство, вспомнить о школьных годах, встретиться с одноклассниками и учителями – мы можем Вам помочь...»

Я с удовольствием откликнулся на это приглашение. Так состоялась моя поездка в Сибирь на юбилейный вечер выпускников средней школы в Октябрьское на реке Оби, в далекой Югре. При встрече со школьными друзьями, посещении местного краеведческого музея появилась мысль написать воспоминания о времени, проведенном на могучей сибирской реке Оби, в честь которой был назван знаменитый корабль – бывший флагман советской антарктической экспедиции – дизель-электроход «Обь», совершивший двадцать походов к берегам Белого континента, и где мне посчастливилось служить.

Я не ставил перед собой задачи рассказать историю Обского Севера, а пытался показать людей этого прекрасного края, который в конце двадцатых – начале тридцатых, а потом в сороковые годы прошлого столетия являлся местом ссылки народов России, очутившихся в водовороте большевистских реформ, породивших не только братоубийственную Гражданскую войну, но и человеконенавистническую идеологию классовой борьбы, обернувшейся новыми многочисленными жертвами. В результате произошел раскол общества на своих и чужих, ставших впоследствии изгоями, для которых север реки Обь превратился в обетованную землю, а для их детей и внуков стал малой исторической родиной.

Вспоминая...

Вот где нам посчастливилось родиться, Где на всю жизнь, до смерти мы нашли Ту горсть земли, которая годится, Чтоб видеть в ней приметы всей земли.

Константин Симонов

Трудно садиться за мемуары, обращаясь к воспоминаниям детства и юности по прошествии более полувека. Однако не судите меня строго, я попытаюсь упорядочить их, опираясь, как на вехи, на воспоминания, связанные с наиболее интересными случаями и эпизодами своей жизни, начиная с раннего детства.

Родился я в 1939 году на берегу могучей сибирской реки Обь, в бассейне которой находится богатейший углеводородами район России, его по праву можно было бы назвать «сибирским Клондайком».

В пору моего детства это был глухой, полудикий край. За время советской власти название региона менялось трижды. В конце двадцатых годов прошлого века он назывался Остяко-Вогульским национальным округом Омской области, позже именовался Ханты-Мансийским национальным округом, но уже Тюменской области, а конце прошлого века стал Ханты-Мансийским автономным округом – Югра и обрел статус субъекта Российской Федерации. Район же, расположенный в сибирской глубинке на древней Югорской земле между Ханты-Мансийском и Березовым, соответственно назывался Кандинским, затем Микояновским, а позже Октябрьским, с административным центром в одноименном поселке. Кроме залежей углеводородов край богат ценными промысловыми видами рыб, пушниной и лесом. Эти земли в XV–XVI веках принадлежали племенам хантов и манси, создавшим Кодское княжество. После похода дружины Ермака и покорения Сибири в конце XVI века здесь возникло крепостное казачье укрепление Кодек с деревянной церковью – первое русское поселение в этом крае. В 1653 году в Кодеком городке грамотой царя Алексея Михайловича был учрежден Кодский Троицкий монастырь, главным монастырским храмом которого являлась деревянная церковь во имя Живоначальной Троицы с шатровым покрытием, двумя приделами и небольшой бревенчатой оградой. И только в 1844 году на Обском Севере открылась первая школа.

Поселок Октябрьское

Но вот к власти пришли большевики, началась коллективизация и «раскулачивание» крестьян. Деды мои были репрессированы и вместе с детьми сосланы «из Сибири в Сибирь». Место поселения не было обозначено и выбрано, по сути дела, случайно: замерзающий конвой, сопровождавший ссыльный обоз в февральские морозы по студеной промерзшей Оби, был вынужден дать команду остановиться, валить дикий лес и рубить из него сибирские хаты. По рассказам старожилов, после вырубki леса оставались крепкие пни, уборка которых производилась через раскорчевку – самый тяжелый ручной труд. От такого непосильного труда и недоедания погибли многие переселенцы. В первую очередь строилась комендатура, затем бараки, больница с магазином и школа. Так, наверное, образовывался не только поселок Заречное, где я родился, но и другие многочисленные поселения ссыльных и «раскулаченных» крестьян.

Мой дед по отцовской линии Сергей Иванович Утусиков после окончания империалистической войны и революции, будучи сибирским казаком, возвратился домой в Курганскую губернию, где проживали все его родственники. Вернувшись на родину, занялся обычным крестьянским трудом.

В деревне к этому времени остались одни лишь старики да дети. При наступлении Красной армии адмирал Колчак объявил мобилизацию мужского населения, и деду пришлось формировать полк. Однако, как старый вояка, дед, видя явный перевес наступающих и понимая бессмысленность братоубийства, сдал полк красным. По логике вещей такой поступок казака должен был быть зачтен большевиками. Но по доносу «соседей-доброжелателей» дед был арестован органами НКВД. Этот арест положил начало последующим мытарствам, завершившимся потерей третьего, младшего сына, Николая, когда семью отправили по этапу в ссылку. Такие были страшные времена и таковы нравы эпохи большевизма.

Сергей Иванович и Анастасия Васильевна Утусиковы с сыном Дмитрием – отцом автора. 1913 г.

Из ссыльных потом формировали колхозы, занимавшиеся разработкой посевных площадей под овощеводство, а также животноводством и коневодством. Последнее имело особое значение, так как лошадь оставалась основной тягловой силой в земледелии. Помимо этого ссыльные занимались важнейшей для государства работой – заготовками сибирского леса, идущего на экспорт. В конце тридцатых годов, как и по всей стране, здесь, даже среди ссыльных, велась «охота на врагов народа». Аресты происходили обычно по ночам и, как правило, по доносам.

Основным занятием местного населения являлись лесозаготовки. По весне, с началом половодья, заготовленный зимой лес собирался в плоты. Из них формировались так называемые плотоматки, которые затем маломощными буксирами доставлялись из среднего бассейна Оби через Салехард в Новый порт Обской губы, откуда лес вывозился морскими судами на экспорт.

Этим весьма серьезным делом в тридцатые годы довольно успешно занимался мой второй дед по материнской линии – Александр Иванович Симонов, сосланный сюда, как и мы, со всей своей семьей. В подчинении будущего тестя оказался мой отец.

В ту пору при заготовке леса пользовались обычной двуручной пилой, других средств «малой механизации» не существовало. Двуручная пила требовала двух работников, ее часто заклинивало, а это отрицательно сказывалось на производительности труда.

Мой отец Дмитрий Сергеевич приспособил для такой работы тонкую и узкую пилу, называемую «лучковой». Такая пила была сравнительно удобней, а работать с ней мог один человек.

Родители моей матери – Александр Иванович и Екатерина Васильевна Симоновы с сыновьями, Виктором (слева) и Леонидом (в центре)

С ее помощью при определенных навыках можно было легко справиться с бревном любой толщины. За перевыполнение плана лесозаготовок отцу было присвоено звание «стахановца», весьма почетное в молодой советской стране. Отцовское удостоверение «стахановца» до сих пор хранится в нашей семье.

В 1937 году состоялся слет стахановцев в Омске, куда были приглашены и мои родители. За трудовые заслуги отцу вручили почетную грамоту и наградили ценными подарками: патефоном и отрезами на костюмы отцу и матери – Зинаиде Александровне. Патефон в то время был «писком моды» и при тогдашней бедности населения свидетельствовал о «зажиточности» семьи. Через пару лет на свет появилась моя персона. Рождение первенца мои дедушки и бабушки восприняли с восторгом. Через полтора года родилась моя сестра, и родителям пришлось распрощаться с любимым патефоном: его обменяли на корову, молоком которой питались подрастающие чада.

Будущему автору исполнилось 10 месяцев

В конце тридцатых отец окончил курсы трактористов при МТС нашего района, где уже существовала сеть развитых колхозов, занимавшихся промыслом рыбы, разведением скота и земледелием.

Началась Великая Отечественная война, эхо которой вскоре докатилось и до нашего края. Транспортного сообщения в Тюменской области как такового в то время не было. Зимой сообщение между поселками, раскинувшимися на берегах Оби, поддерживалось гужевым транспортом, передвигавшимся по тракту, проложенному по льду реки. После ледохода, с началом летней навигации, доставка грузов и пассажиров осуществлялась старыми колесными пароходами. После национализации они получили имена большевистских вождей: «Ленин», «И. Сталин», «Калинин», «Орджоникидзе», «Микоян» и т. д.

С объявлением мобилизации по стране первыми же пароходами на Оби началась доставка призывников в сборные пункты региона – Ханты-Мансийск, Тобольск и Тюмень, где формировались сибирские дивизии.

Мой отец призывался в армию дважды, но всякий раз попадал под действие так называемой брони. Это был именной список специалистов, оставляемых для работы в тылу и не подлежащих мобилизации. На них возлагалась обязанность обеспечить страну всем необходимым для условий военного времени. В нашей Тюменской области это означало обеспечить выполнение спущенных сверху заданий на поставку леса, зерновых, продуктов животноводства, овощеводства и рыбного промысла.

На обширных посевных площадях колхозов в пойме Оби, обрабатываемых с помощью большого парка техники, принадлежащего МТС, снимали довольно хорошие по тому времени для северных территорий страны урожаи зерновых: ржи, овса, ячменя и даже пшеницы, выращенной в богатом колхозе поселка Каменный, где председательствовал Алексей Власов.

За последние годы многое изменилось в родных местах, и, к сожалению, приходится констатировать, что от прежнего сельского хозяйства Октябрьского района мало чего осталось, для новых хозяев жизни это занятие стало малопривлекательным. Огромные посевные площади безнадежно заброшены. И Октябрьский район, как, наверное, и многие другие районы региона, живет почти на всем привозном, доставляемом сюда по приуральской железнодорожной ветке, проложенной от Екатеринбурга до станции Приобье, что на левом берегу Оби, недалеко от Октябрьского.

Но возвратимся в трудные военные и послевоенные годы моего детства. Двое моих дядей, учившихся в сибирских институтах, с началом мобилизации получили направления в военные училища, а после их окончания были отправлены на фронт. Самый младший – дядя Виктор – учился в Кондинской средней школе. Отношения с ним были наиболее доверительными, с его помощью я сделал первые шаги на лыжах, научился смело съезжать с заснеженных горок рядом с домом бабушки и освоил катание на коньках по льду замерзшей таежной речки Кондинки, впадающей в Обь.

Какое это было беззаботное время! Из репродуктора районной радиосети иногда *Сергеевич и мать Зинаида Александровна*, слышались военные *бабушка Катя, тетка Анфиса, брат Саша* сводки, смысл которых (на коленях у мамы) и сестра Валя с трудом доходил до моего детского сознания, а еще раздавались звуки военных маршей и популярных патриотических песен, типа: «...Кони сытые бьют копытами, встретим мы по-сталински врага». Как бы там ни было, даже мы, дети, понимали, что Победа будет за нами. Только не знали мы тогда, какими жертвами оплачены наша свобода и будущее. Понимание этого пришло намного позже.

Мои родители – отец Дмитрий Сергеевич и мать Зинаида Александровна, бабушка Катя, тетка Анфиса, брат Саша (на коленях у мамы) и сестра Валя

Шел 1943 год, и дядя Витя со своими восемнадцатилетними сверстниками ждал наступления лета и окончания учебы в девятом классе школы. Для тех, кто останется в живых, учеба в следующем – десятом – классе возобновится только спустя много лет.

Неотвратимо приближалось лето 1943 года, которого так боялись наши односельчане, готовившиеся к проводам восемнадцатилетних мальчишек на ненавистную войну. Но вот состоялся досрочный выпуск девятиклассников. С окончанием ледохода на Оби прибыл первый пароход, на борт которого поднялись наши как-то сразу повзрослевшие старшие друзья и братья – будущие защитники Отечества. Даже нам, детям, видевшим слезы бабушек и матерей, становилось понятно, что означают провода этого парохода с его пронзительными гудками, как было понятно, что такое ожидать своих близких и молиться об их возвращении.

После окончания Военно-морского авиационно-технического училища мой младший дядя, Виктор Александрович Симонов, был направлен в полк морской авиации Северного флота, базировавшийся тогда под Североморском в поселке Ваенга. Все родные, особенно дедушка с бабушкой, с нетерпением ждали от него (своего последыша) писем. Иногда он вкладывал в них прекрасные фотографии, на которых были запечатлены он и его боевые товарищи на фоне полярных пейзажей. Сколько в них было романтики, они буквально завораживали наши сердца...

Самым интересным для нас, детей, было появление редкого в ту пору в наших краях самолета. Тогда мы с сестрой начинали неистово бегать и кричать дедушке с бабушкой, что это прилетел наш любимый дядя, но почему-то каждый раз, к нашему великому огорчению, оказывалось, что это не так...

Но все-таки мы дождались этого счастливого момента. В конце лета 1945 года он неожиданно появился в морской форме, здоров и невредим. Мы с сестрой висели у него на шее и визжали от радости и гордости. Но радость не бывает без слез. Незадолго до прибытия любимого дяди скончался наш дедушка – его отец, так и не дождавшийся возвращения сына с войны.

Было просто чудо, что наш любимый дядя Витя вернулся живым. Сколько его фронтовых друзей не вернулись из полетов, остались навечно в пучине Баренцева моря! В землянке 46-го штурмового авиационного Печенгского полка Северного флота, где он служил, висел простой бумажный плакат с девизом: «Бить врага в воздухе по-сафоновски, а на море – полунински!» (Борис Сафонов – летчик, Николай Лунин – подводник, оба Герои Советского Союза). Эти слова были наполнены глубоким смыслом для тех, кто сражался с врагом, приближая День Великой Победы.

Этому дяде удалось демобилизоваться только пять лет спустя, после чего он сумел окончить институт и стал заместителем генерального директора завода энергомашиностроения.

После окончания войны возвратились домой и наши старшие дядья, израненные и контуженные, но живые. Обоим посчастливилось дойти до Берлина, а война для них закончилась с капитуляцией милитаристской Японии. Один из них дослужился позднее до генерала, а второй стал директором нашей зареченской школы.

Самый старший брат по материнской линии (в семье, когда их высылали, было шестеро детей) во время войны служил в десантных частях и попал в плен. Вместе с группой товарищей ему удалось бежать из концлагеря, после чего они примкнули к движению Сопротивления в Бельгии и Франции. Там он и сложил свою голову в борьбе с фашизмом, но навсегда остался в нашей памяти.

Большую часть раннего детства я провел у своих бабушек и дедушек, попеременно обретаясь то у одного дедушки в Кондинске, то у другого – в Заречном. Находились эти селения в шестидесяти километрах друг от друга.

Детские шалости

В моей памяти запечатлелось несколько ярких эпизодов из раннего детства...

Теплым летним днем, купаясь на мелководье речки Кондинки напротив дома деда Александра, я увидел наших кур, прогуливавшихся вдоль бережка под надзором вожака – красивого петуха. У меня, наверное, возник вопрос, а почему куры не плавают? Если не умеют, то научим! Недолго думая, я поймал одну из кур, зашел с ней в воду по колени и отпустил на свободу, предоставив ей возможность начать обучение сразу с практической фазы.

Курица, отчаянно хлопая крыльями, барахталась в воде и дико кричала, вызывая о помощи. Вожак неистово носился по берегу. Я как-то и не подумал, чем может обернуться такой «невинный» поступок. На помощь петуху подросла бабушка, из-за спины которой выглядывала сестренка Валя с хитрой ухмылкой на лице, предвкушая неизбежную расправу надо мной. Стоило выйти из воды, как петух набросился на меня – виновника разыгравшейся «драмы», и со всей «пролетарской ненавистью» стал лупить меня своими крыльями, прикладываясь клювом и острыми шпорами ног. Мне ничего не оставалось, как срочно ретироваться.

На этом экзекуция не закончилась. Бабушка Катя нарвала пучок крапивы и, заняв сторону боевого петуха, принялась охаживать меня крапивой по заднему месту. Оказывается, сестренка, наблюдавшая за моими «занятиями по обучению плаванию», «настучала» бабушке и оказалась непосредственно сопричастной к моим мытарствам. Но, как говорится, Бог терпел и нам велел! Впрочем, известно также, что долг платежом красен... Сестренка получила свое сполна! Вот так закончились мои благородные намерения научить курицу плавать.

Конь ты мой вороной

Мой дед Александр Иванович Симонов был наделен природной смекалкой, помогавшей ему разбираться в людях и справляться с любыми делами, которыми ему пришлось заниматься в ссылке после выхода из тюрьмы. Лесоразработки он знал превосходно. В тридцатые и сороковые годы ему, как проявившему организаторские способности, поручили руководство этим промыслом в нашем районе. Летом для разездов деду предоставлялся обычный катер, а зимой у него, как у руководителя, имелся в распоряжении «персональный» конь. Дедушка звал его ласково – Воронок.

Конь этот славился удивительной красотой: высок в холке, стройный, выносливый и сильный, масти вороной с белой «звездой» на лбу и ногами, будто одетыми в белые носки, с чудной гривой и хвостом. Манера хода – великолепная рысь. Он не мог стоять на месте, постоянно перебирал ногами и стучал по земле передним копытом. Издавая похрапывание и ржание, он прятал своими ушами и косил лиловым глазом, отыскивая хозяина. Наверное, так он пытался передать, насколько застоялся, и не пора ли уже пуститься в бег.

Однажды весной, как мне припоминается, кондинский дедушка повез меня к зареченскому деду с бабкой на «мою малую историческую родину». Легкие конные санки, обитые изнутри медвежьим мехом с пологом, называемые в Сибири кошевкой, быстро летели по искрящемуся снежному насту покрытой льдом Оби. Держался морозец, но весна уже давала о себе знать.

В ясный и тихий весенний день ледяной покров реки обычно довольно сильно прогревается ярким солнцем. В результате вода поднимается, лед постепенно набухает, в нем появляются трещины, а у берегов реки – промоины. Кроме того, возникают так называемые забереги с наледями, представляющие собой полыньи, покрытые молодым тонким льдом. Одна из таких наледей неожиданно оказалась на нашем пути при подъезде к поселку Заречное. Скорее всего, из-за того, что наледь была покрыта снегом и наступили сумерки, дед не сразу смог разобраться в ситуации.

Кошевка, увлекаемая разгоряченным Воронком, пролетела вперед по тонкому льду, а затем неожиданно вместе с конем провалилась в полынью. Дед выскочил из кошевки, держась за одни вожжи. Верный вороной друг лихо вынес на берег меня вместе с кошевкой, так, что даже вода не успела попасть внутрь. Однако купание разгоряченного коня и деда в ледяной воде ничего хорошего не сулило, и следовало принимать срочные меры.

После радостной встречи сватов, сопровождавшейся счастливым оханьем бабушки Таси, «искупавшегося» деда Александра срочно переодели, а коня, шерсть которого покрылась ледяной корочкой, поставили в теплое стойло. Обогревшийся Воронок был протерт досуха, а для предупреждения простуды его напоили теплым пойлом с водкой и хлебом, а затем накрыли плотной попоной. Вот так наши деды заботились о лошадях! Только после этого сваты, захватив меня с собой, отправились в заранее приготовленную горячую баню, после которой зареченская бабушка накрыла немудреный стол с сибирскими пельменями, доброй обской рыбкой и прочей закуской под водочку. Все-таки прекрасна культура русской бани со всеми ее традициями, берущими начало в незапамятные времена Древней Руси.

Помощничек

В то лето в Заречном бабушка пыталась определить меня в соседний колхозный детсад, однако из этого ничего не получилось. Я сбежал оттуда и появился на поле, где трудились женщины-колхозницы, зарабатывавшие свои трудовни на прополке и окучивании корнеплодов. В колхозе работали все, за исключением разве что немощных стариков и детей дошкольного возраста. За всем этим в поселке присматривал, как известно, комендант от НКВД.

В ту пору колхозники, не имея паспортов, оставались совершенно бесправными. Коменданты в поселке периодически менялись. Ссылными они воспринимались по-разному, в зависимости от их отношения к людям. Насколько мне не изменяет память, старики хорошо отзывались о коменданте Чегисове. А наше с Володиёв Слободсковым расположение завоевал Дмитрий Воробьев, возвратившийся с войны и назначенный комендантом в Заречное. Кстати, позже он станет зятем Слободсковых, женившись на старшей сестре Кате, учившейся когда-то в одном классе с моим дядей Виктором.

На заработанные в колхозе трудовни трудно было прокормить большую семью, не имея своего приусадебного участка. После побега из детсада я предстал перед бабушкой. «Помощничек явился!» – воскликнула она, увидев меня. Но этот «помощник» не помогал, а больше мешал своей суетой и канючением, отвлекая от дела. Естественно, бабушка решила направить мою неумную энергию в другое русло, определив в «помощники» к деду Сергею.

Вот у него-то я чувствовал себя как рыба в воде. Дед, знаток лошадей, был в колхозе за старшего конюха. В его обязанности входило заботиться о приплоде в стаде, следить за племенными лошадьми и заниматься воспитанием молодняка, выгуливая его на ближайших пастбищах. Табун он сопровождал верхом на коне, а меня с удовольствием сажал к себе в седло.

В теплое летнее время жеребята со своими матками-кобылицами могли вдоволь нагуляться на сочных лугах. Они забавлялись, бегая друг за другом, как дети. Но кобылицы зорко смотрели за ними, дабы не потерять их из виду, а те, наигравшись, мчались к материнским сосцам и наслаждались сладким молоком.

Летом, особенно при безветрии, в Сибири становится невыносимо от мошки и комаров. Первыми в начале лета в вечернее время объявляются полчища крупных комаров, а с середины лета – тучи мошки. Человеку еще как-то можно укрыться в помещении или воспользоваться москитной сеткой, по-сибирски – накомарником. А вот бедным животным приходилось тяжело, помимо комаров и мошки их донимали и надоедливые слепни. Единственным спасением для лошадей на открытом месте становились речки или озера, куда они забирались, принимая прохладные ванны. Для жеребят это было величайшим удовольствием, но не меньшую радость доставляло купанье и нам, детям.

Как-то, когда табун возвращался домой, со мной произошел курьезный случай. Дед посадил меня на нашего любимого жеребенка, гордо вышагивавшего рядом со своей мамкой. Я изо всех сил вцепился в рыжую гривку и припал к его шее. Казалось, что все идет хорошо. Я был безумно счастлив от того, что мой конек-горбунок ведет себя послушно, словно пытаясь доставить мне особое удовольствие. Но радость моя была недолгой: малыш решил проявить свой нрав. Неожиданно он взыграл, как необузданный мустанг, подпрыгивая на месте. При этом он раскачивался из стороны в сторону и крутил головой, словно пытаясь продемонстрировать свои замечательные способности: «Смотри, что я умею делать!» В результате такой игры я слетел с гривы «горбунка» и спланировал головой вниз прямо в кучку свежего навоза. Боже мой! Так все было хорошо – и вот нате вам – оказался в г... А «мой конек» подошел ко мне, боднул головой и ласково лизнул в лицо. Видно хотел

извиниться за свою шуточку: «Прости, дружок! Я не рассчитал, не грусти, все пройдет, а я исправлюсь». Вот так закончился мой первый выезд на «необъезженном мустанге».

А вот бабушка была очень недовольна, увидев меня «во всей красе». Она «наехала» на деда, и нам пришлось с ним немедленно отправиться отмываться в баню, стоявшую на самом берегу речки, откуда можно было бултыхнуться прямо в воду, что мы и сделали.

Боже мой! Какое это было чудное и безмятежное время. Но жизнь течет, одно поколение сменяет другое. Вот и мы становимся стариками, но память о наших добрых дедушках и бабушках – наших первых наставниках, останется вечной, пока мы живы.

Школьные годы

«Школьные годы чудесные...», – не зря есть такая замечательная песня. Дошкольники иногда с воодушевлением ждут первого школьного звонка, мечтая о чем-то неизвестном и сказочном, являющемся им во сне. На дворе стоял 1946 год, пришла пора вернуться к своим родителям в Кондинск и собираться в школу. После Заречного районный центр для меня, деревенского мальчонки, казался невероятно большим. Это впечатление еще более усилилось при виде двухэтажной школы, в которую мы с мамой накануне учебного года ходили подавать положенные для моего зачисления документы.

Настал день 1 сентября с традиционным школьным сбором, торжественной линейкой и малиновым звоном колокольчика, приглашающего на первый урок. Вот мы, первоклашки, парами заходим в просторный и светлый класс. Как было принято в то время, наша первая учительница рассадил нас попарно мальчика с девочкой по партам. После неуклюжей рассадки, сопровождавшейся гулом голосов и громким хлопаньем крышек, все постепенно успокоились. Наступила тишина, казалось, что все первоклашки затаили дыхание, боясь пропустить что-то важное. Действительно, в этот день надо было многое понять и запомнить, включая распорядок в школе и классе, а также как должен себя вести ученик и как следует обращаться к учителю во время урока, как войти и выйти из класса, и много другое. Все это казалось нам таким мудреным и сложным... Так состоялось наше первое знакомство с учительницей и одноклассниками, положившее начало многолетней дружбе.

Наша средняя школа – деревянное здание с печным отоплением. Не только для меня, но и для остальных моих сверстников школа казалась большой и высокой, а классы необыкновенно просторными. После окончания первого учебного дня я даже умудрился заблудиться, и выбраться из школы мне помогла моя соседка по парте Юлия Шмигельская.

Домой я не шел, а летел. Мне хотелось немедленно объявить всем, что я стал учеником первого класса, и утвердиться в своем новом, взрослом качестве. В моей голове бурлило множество идей, возникших на первом же уроке, и почему-то их хотелось реализовать немедленно и во что бы то ни стало. Я носился вокруг своей тети Фисы, слывшей хорошей швеей, и неумолимо просил отложить шитье и заняться изготовлением некой «кассы». Бабушка Катя уже стояла на ушах, подыскивая для «кассы» более-менее подходящую ткань, которую в послевоенное время было не так-то просто найти.

Мое возбужденное состояние передалось младшей сестре. Мы носились с ней по дому, оглашая его своими криками и призывами немедленно взяться за изготовление «кассы», о которой у меня имелось разве что смутное представление. Бабушка и тетя, от которых не отставала сестренка Валя, наконец, нашли подходящий кусочек ткани. Так называемая учебная касса первоклассника представляла собой специальное хранилище для букв, цифр и счетных палочек, уложенных в отдельные кармашки в соответствии с алфавитом. В каждом кармашке должно было находиться несколько одинаковых букв и цифр, предназначавшихся для составления слов и чисел во время занятий в классе и дома. Тетя быстро справилась с этим заданием, и мы все, включая сестру, принялись вырезать из «набора первоклассника» буквы и цифры. Вырезанные детали наклеили на кармашки, придерживаясь алфавита. Таким образом, касса скоро была готова и укомплектована надлежащим образом, не были забыты и деревянные палочки, которые я изготовил самостоятельно. Все это были предметы первой необходимости для ученика-первоклашки.

В первый послевоенный год не могло быть и речи о портфелях, тетрадках и прочем. Родителям приходилось проявлять исключительную находчивость, чтобы снабдить школьника всем необходимым для занятий. Дорогая тетя сшила для меня школьную сумочку, мама

из собранных отовсюду листков бумаги сделала нечто, похожее на тетрадь. Карандаши и перьевая ручка завершали стандартный ученический набор того времени.

Учебники в школе имелись в ограниченном числе. Букварь для первоклашек выдавался один на троих-четверых (в нашем случае это были Боря Дудин, Володя Слободсков и я), и мы им пользовались по очереди. Такая ситуация, наверное, была обычной не только в сибирской глубинке, но и для всей страны, охваченной послевоенной разрухой.

Как бы то ни было, процесс обучения в школе «пошел». Осмотревшись и пообвыкнув, мы, следуя заведенному порядку, ходили на занятия. После занятий наступало время отдыха, заполненное беготней и играми на берегу Оби.

После выполнения домашнего задания необходимо было помочь матери по дому, у которой теперь было трое, а некоторое время спустя – уже четверо детей. Приходилось стоять в очереди в магазин, ожидая привоза продуктов, помогать убирать картошку осенью... Для школьников, живущих в сельской местности, такие обязанности являлись обычным делом. Таким был традиционно сложившийся уклад семейной жизни – основа ее относительного благополучия. Когда возникала необходимость, работали все – от мала до велика. А такая необходимость сообразно ритмам природы возникала в деревне постоянно.

Весна обязывала приступать к заготовке дров в лесу. За лето они должны были подсохнуть, а по первому снегу вывозились лошадью или трактором к дому.

На конец весны – начало лета выпадала пора посевов и работы в огороде, при этом перед посадкой картофеля и других корнеплодов почву нужно было удобрить навозом. А с наступлением осени начиналась уборка урожая.

Середина лета – время сенокоса и заготовки сена для коровы. На заливных лугах в пойме Оби вырастали кормовые травы, которые необходимо было скосить, высушить, сложить в копны, а затем сметать в стога для хранения до наступления зимы, когда заготовленное сено можно будет вывезти лошадью по зимнику через реку к дому. Осенью запасались также рыбой на зиму, а это было довольно сложное занятие.

Электричество в ту пору было только в районном центре – от электростанции МТС и местного рыбозавода. В других деревнях района для освещения использовались керосиновые линейные лампы. Линейными они назывались, поскольку количеством «линий» измерялась ширина нитяного фитиля. Чем больше нитей, тем шире фитиль, а соответственно и больше света от такой лампы. Сидеть при такой лампе, особенно с абажуром, было необыкновенно уютно. Лампа придавала какой-то особый комфорт и уют деревенскому жилью. Бабушки своевременно чистили и мыли закоптившиеся стекла, подрезали подгоревшие фитили и заблаговременно, до наступления вечерних сумерек и темноты, заправляли их керосином. На ночь лампа обязательно гасилась. Только позже, в пятидесятых годах, в деревнях нашего района появились передвижные электростанции.

Развлечения у нас, мальчишек из сибирской глубинки, в конце сороковых годов были самые простые. Зимой катались на лыжах и коньках. Катков, как таковых, не было. Для этого вполне подходили природные катки, возникавшие при замерзании речки Кондинки и Оби там, где был ровный лед. Мы довольно быстро научились держаться на коньках, а затем резво носились на них. О коньках с ботинками не могло быть и речи. Считалось за счастье заполучить любые коньки. Обычно они крепились к валенкам при помощи сложного приспособления из веревочек и палочек. В такой традиционной русской зимней обуви, принимая во внимание знаменитые сибирские морозы, мы себя чувствовали на редкость комфортно.

В нашем распоряжении, включая братьев Слободсковых и меня, оказались три разных конька, из которых мы соорудили деревянный самокат, окрещенный «тарантасом». Это «транспортное средство» чем-то напоминало буер, только без паруса. Передний конек управлялся рулем, а два задних жестко крепились по бокам платформы. Этот тарантас под-

нимался на укатанную энтээсовскую горку, которую местами для лучшего скольжения заливали водой, так что она превращалась в сверкающую ледяную трассу.

Тарантас с тремя-четырьмя седоками набирал при спуске приличную скорость. Зрелище выглядело довольно эффектным и было настолько увлекательным, что мы напрочь забывали о том, что пора идти домой. Разгоряченным и тепло одетым ребятам любой мороз был нипочем.

Не забывались и лыжи, освоенные нами чуть ли не с первых детских шагов. С моим другом детства и одноклассником Володей Слободсковым мы не пропускали ни одной горки – с каждой из них надо было хоть раз спуститься на лыжах. Добрались даже до крыши дома, в котором жили мои бабушка с тетей, но оттуда нас быстренько прогнали. Мы гордились своими неказистыми лыжами, крепившимися прямо на валенки. Позже, уже будучи подростками, мы совершали групповые лыжные походы в тайгу, пользуясь лесными просеками, проложенными для линий связи. Сибирская природа открыла нам незабываемую, божественную красоту зимней тайги.

Большую радость доставляли нам кинофильмы. Их демонстрировали в соборе бывшего монастыря, превращенного большевиками в импровизированный дом культуры. Горячие большевистские головы не ценили исторического значения красавицы-церкви, стоящей на берегу Оби. Во время дикой кампании борьбы с православной религией церковь несколько раз пытались взорвать. Но строение, воздвигнутое монахами в середине XVII века, хотя и серьезно пострадало, но устояло, а «церковь-мученица» стоит и по сей день без реставрации, храня следы надругательств. Как говорится, ломать не строить! Пора бы администрации района устранить это безобразие и вспомнить о своих обязательствах перед земляками-избирателями и их далекими предками. Как тут не вспомнить слова А.С. Пушкина: «Неуважение к предкам есть первый признак дикости и безнравственности».

Весна для нас была порой чудес и начиналась с ожидания весеннего паводка на Оби. Могучая сибирская река наполнялась вешними водами, толстый лед вспухал. Треск льда напоминал отдаленные пушечные выстрелы. Широкая Обь начинала разливаться, мелкие ручьи становились полноводными, а речки в округе, такие как Кондинка, выходили из берегов, заливая левобережные низины – места будущих нерестилищ рыбы и гнездовий водоплавающей птицы, возвращающейся с юга большими стаями. Природа, вздохнув после зимней спячки, одевалась в пестрый летний наряд, а тайга наливалась иссиня-зелеными красками. В это время, пока еще держался лед, местные промысловики, пользуясь законным разрешением на охоту, отправлялись на левобережье Оки на промысел, так называемую весновку.

Наконец наступал долгожданный ледоход. Неописуемое по своей красоте зрелище. Половодье, начинаясь в верховьях могучей реки и ее притоков – Иртыша и Тобола, очищает берега от леса-плавника, выброшенного осенними штормами. Плавник собирается массой и, увлекаемый могучим течением, проплывает мимо поселений на Оби. Раньше, да, наверное, и сейчас, он вылавливается населением и используется на дрова и в качестве строительного материала. Основная масса плавника собирается в «голове» ледохода большим плотом сплошного леса протяженностью в полтора-два километра, во всю ширь реки. Плот этот выглядит как Ноев ковчег, на котором собирается разномастная живность, спасающаяся от наводнения: зайцы, олени, птицы... Многие из них обречены, поскольку этот громадный плот выносится, рассыпаясь, в Обскую Губу и далее в Карское море, где лес штормами выбрасывается на берега островов Ледовитого океана. Эту картину мне приходилось наблюдать позже в Енисейском заливе, когда работал в Арктике.

Процесс ледохода сопровождается образованием заторов на реке. Уровень воды резко поднимается, делая лесные речки привлекательными для рыбаков. Могучие льдины под напором других выползают на берег, образуя громадные горы фантастических форм – про-

стор для мальчишеских игр. Но с наступлением теплых дней эти сказочные украшения исчезают, указывая, что в свои права вступает короткое сибирское лето.

Поймы Оби и речушек покрываются быстро растущими травами и цветами. Начинается пора гнездования водоплавающей и боровой дичи, появляются выводки птенцов. На исходе лета наступает пора рыбалки удочкой и переметами на красивых песчаных пляжах и заводах лесных речушек Серебрянки и Сактаса с великолепными местами для купания. Там мы пропадали целыми днями и возвращались домой под вечер загорелыми и уставшими, с завидными трофеями: чебаками, окунями, ершами и пескарями, а порой и с солидным язем.

В младших классах после окончания учебного года отец увозил меня на лето в Заречное. Естественно, дед Сергей кроме рыбалки брал меня с собой на выпас лошадей и рогатого скота, выводившихся на пойменное левобережье Оби, в место, получившее название Плешко. Здесь можно было одновременно заниматься и рыбалкой, и охотой. Дед был хозяином двустволки, которая мне очень нравилась, но была недоступна. Я мог ее только поддерживать, хотя дед научил меня безопасному обращению с ней. Нашим соседом в Заречном был кузнец – золотые руки, Павел Беляев, его супругу звали Серафима. Хорошие были люди. Так вот, Павел, наверное, по просьбе моего деда для меня из легкой японской винтовки сделал ружьецо «Бердана» 32-го калибра. Когда я подрос, это ружьецо было мне вручено как подарок, что доставило мне огромную радость. Я очень гордился своим оружием, и когда мы с дедом делали объезд угодий, то каждый восседал на коне со своим ружьем. Впоследствии с этим ружьем мне довелось освоить азы охоты на уток и боровую дичь.

Особую привлекательность Заречному в наших глазах придавала летняя рыбалка на шук. Две таежных речки, прилегавших к поселку с севера и юга, с наступлением разлива превращались в изумительные места для ловли рыбы бреднем и удочкой. Но самой интересной была охота на шук с помощью длинного удилища, на конце которого крепилась петля из тонкой мягкой проволоки. Осторожно следуя по бережку вдоль воды, надо было отыскать притаившихся у поверхности воды шук. Обычно они наслаждались солнечными лучами, выбрав укромное место в прогретой воде среди зарослей речных лилий. Осторожно ступая по воде, стараясь не спугнуть, подходишь со стороны хвоста и медленно подводишь петлю к голове щуки. Как только петля окажется за линией жабр, делается подсечка, и щука на берегу. Стоит прогуляться вдоль берега речушки, как у тебя на кукане хороший улов, особенно если попадется несколько крупных экземпляров. Бабушка Тася приходила в восторг при виде таких трофеев. Иногда приходилось становиться «кормильцем», как говорила моя бабушка, не только своих близких, но и соседей – деда Паши с бабушкой Серафимой.

Где-то после шестого класса мне со сверстниками по Заречному пришлось заняться производством деревянных ящиков, предназначавшихся для транспортировки рыбной продукции с Октябрьского рыбозавода. После ознакомления с технологическим процессом и техникой безопасности при работе со строгальной и обрезной машинами мы под присмотром специалистов приступили к своим обязанностям. Дело оказалось немудреное и доставляло нам большое удовольствие.

Рабочий день для нас был ненормированным. Изготовив достаточное, по нашему разумению, количество ящиков, мы возвращались к своим забавам. Тем не менее, такой труд оплачивался и давал небольшой дополнительный доход, пополняя содержимое бабушкиной копилки.

Так же обстояло дело с заготовкой бересты, необходимой для промысла дегтя, пользовавшегося тогда большим спросом в сельском хозяйстве и у населения. В этих делах и забавах принимали участие зареченские ребята: братья Харловы, Плотниковы, Карнауховы, Трапезниковы, Паршуковы и Боря Кожевников – сын зареченского председателя колхоза. Прошло более полувека. Куда их разбросала жизнь и живы ли они?!

Сенокос

После седьмого класса работать приходилось уже вовсю, помогая отцу с матерью заготавливать сено для коровы. Во-первых, необходимо было выбрать для покоса время, когда травы на отведенном для работников МТС участке левобережья Оби вырастали и становились годны для заготовки сена. Во-вторых, для сенокоса требовались погожие дни, которых, как всегда, не хватало. Обычно эта страда начиналась в августе, и тогда отец брал отпуск. Сборы были недолгими. Брали необходимый инструмент для сенокоса: косы, грабли, вилы, бытовую утварь, ружья и рыболовные сети и, конечно же, нашего пса по кличке Рекс, воспринимавшего этот выезд как воплощение собачьей мечты о счастье. Он первым прыгал в лодку и лаем извещал о готовности к отплытию.

В то время лодочные моторы продолжали оставаться недоступной роскошью. Моторная лодка с двигателем Л-6 появилась у отца позже. На сенокос мы отправлялись на отличной прочной лодке, на которой не было опасно пускаться в путь даже в шторм. На лодке, приводимой в движение парой весел с уключинами и одним кормовым веслом, мы спускались к левобережному притоку Оби напротив Андры. Сегодня это место из-за интенсивной хозяйственной деятельности по освоению богатых недр Югры не узнать. На веслах теперь сидел я, а отец помогал, управляясь кормовым веслом.

Прибыв на место, мы с отцом в первую очередь делали шатер из нарубленных веток тальника, закрывая его свежескошенной травой. Этот шалаш позволял укрыться от неожиданных дождей, внутри шалаша устанавливалась вместительная палатка для ночлега, исключая проникновение мошки, появлявшейся ночью в безветренную погоду. Рядом с шатром устраивалось место для закрытого костра, на котором мама готовила пищу для семьи.

Набор продуктов в начале пятидесятых годов был довольно скромный. Кроме пирожков, брали с собой хлеб, картофель, сахар, соль, растительное масло. Определенное разнообразие в меню вносила выловленная в протоке рыба, часть которой шла на уху или суп, еще часть – на жаркое с картошкой. Оставшаяся рыба предназначалась на засолку, вяление и копчение. Среди трав и цветов расцветал иван-чай, из которого заваривался ароматно-душистый чай.

На сенокосе. Отец с моим братом Николаем и племянниками Игорем и Сергеем (на лошади)

Но вот наступает время сенокосной страды. Отец с матерью поднимаются с первыми лучами солнца, когда травы еще не успели от «росы серебряной» согнуться, вслед за ними приходилось подниматься и мне. Отец, приготовив загодя косы, называемые по-сибирски «литовками», брал себе самую большую, маме доставалась поменьше, а мне самая малая. В таком порядке мы занимали место на своей делянке. Травы стояли выше пояса, а то еще и выше. После первого захода на земле оставались три валка скошенных трав, уложенных, как по линейке. От росы обувь и одежда становились мокрыми, но на это никто не обращал внимания.

Кругом стояла божественная тишина, воздух как будто был пропитан озоном, над землей стлался туман, медленно поднималось солнце, радостно встречаемое всеми земными обитателями. Поневоле на ум приходили стихи Ивана Никитина:

Вот и солнце встает, из-за пашен блеснит.
За морями ночлег свой покинуло,
На поля, на луга, на макушки раkit
Золотыми потоками хлынуло.

Из поймы речушек доносился свист куликов, важно вышагивающих по бережкам в поисках своего любимого кушанья, а беспокойные криквы давали команды своему быстро подрастающему выводку, не пора ли заняться повторением «домашнего задания». А это значит – подниматься на крыло и самостоятельно искать пропитание. Ведь не за горами осенние заморозки, а за ними и дальний перелет всей этой водоплавающей братии в теплые страны.

Покос продолжался, пока стояла роса и держалась утренняя прохлада, облегчающие труд косаря. Для утоления жажды мама заваривала с вечера иван-чай, который с удовольствием можно было выпить перед очередным проходом. Ближе к полудню мама уходила к шатру готовить обед, дожидаясь нашего возвращения. Но какое удовольствие было после покоса выскочить на пляж и бухнуться в прохладную воду. Купанье снимало усталость, зато после него пробуждался зверский аппетит.

Вслед за обедом наступало время отдыха. В погожий солнечный день хорошо сушится скошенная трава в валках, которые нужно только своевременно переворачивать и ворошить, чтобы их внутренняя сторона тоже подсохла. А сколько трудов пропадает, если обрушится непогода и затяжные дожди не позволяют высушить кошенину, которая в конечном итоге может даже сгнить. Но это уж такая крайность, которую старались не допустить, принимая все меры по сохранению скошенной травы, после просушки превращающейся в сено.

Сено сначала следовало сгрести в копны, из которых после мечутся стога для дальнейшего хранения вплоть до вывоза по зимнику с левобережья к дому. Разумеется, заготовка сена вручную – трудоемкий процесс. Использование тягловой силы, вроде конных сенокосилок и граблей, намного облегчало этот процесс, ускоряя уборку сена, особенно подвоз копен к будущим стогам. Их нужно было сложить так, чтобы они не рассыпались, не раздувались ветром и не были подвержены воздействию дождя и влаги, иначе заготовленное сено «сгорит» и пропадет. Искусством заготовки сена отец владел превосходно, и под его руководством мы всегда успешно завершали сенокос.

Сенокос мог длиться от недели и более. Каждый вечер мы всей семьей отправлялись искупаться на речном песчаном пляже. Это были минуты настоящего блаженства, и, похоже, то же самое испытывал наш Рекс, плескавшийся вместе с нами в воде. После купания мама шла готовить ужин, а мы с папой отправлялись проверить загодя поставленные в заводях

или речушке сети и выбрать из них очередные трофеи в виде мелкой рыбешки. А для улова доброй рыбы, такой как нельма, муксун и сырок, у отца была верховая одностетивная сеть, ширина стенки которой достигала трех метров. Такая сеть ставилась ровно поперек реки или протоки. На выброшенном конце сети крепился буй, другой выставлялся поодаль от лодки, свободно дрейфовавшей вниз по течению.

На заходе солнца рыба ходит почти у самой поверхности воды, и попавшаяся в сеть рыбина сразу же обозначает себя бурным всплеском. Не передаваемое словами зрелище! Если это был достойный экземпляр, то приходилось бросать конец сети и подгребать к тому месту, где находился улов. Вот так и пополнялся запас рыбы на зиму. А если рядом с покосом находился островок борового леса, то можно было набрать грибов и ягод...

Не пора ли сказать пару слов о нашем Рексе? Дед принес его в дом, когда тот был еще голубоглазым щенком с дымчатой шкуркой. Вполне возможно, что это был плод любви ездовой собаки хаски и волка, в результате чего появился такой интересный экземпляр. На сенокосе он, как положено, нес караульную службу. Этому ему было явно мало, и вот однажды он решил внести свою лепту в улучшение нашего меню.

В один прекрасный день Рекс объявился у шалаша, держа в своей пасти ленного селезня. Почему «ленного»? Название происходит от слова линька, когда птица меняет оперение и не может подняться на крыло. Наш серый умник решил воспользоваться «ошибкой» природы и проявить свою смекалку. Полагаю, он залег где-то в засаде и, подкараулив, схватил эту «утку-инвалида», а затем бережно принес к нашему бивуаку. Наверное, ему хотелось поучаствовать в нашем семейном промысле и доказать, что он не какой-то там дармоед. Пес настолько бережно держал в пасти свою добычу, что утка даже крутила шеей и норовила клонуть или больно ущипнуть обидчика. Но для Рекса это была скорее игра, чем охота. Появившись у шатра, он не выпустил селезня, а демонстративно залег и продолжал аккуратно держать в пасти свою жертву. Наверное, пес рассчитывал заслужить благодарность хозяев, а заодно продемонстрировать свою «крутизну». Так продолжалось до тех пор, пока мама не показала ему веник, которого он панически боялся с щенячьего возраста. Только так удалось мне отнять у него несчастного селезня, которого я затем отнес к пойме речушки – месту, где Рекс его поймал. Очутившись на свободе, селезень резво рванул от меня по воде, а затем отчаянно нырнул.

Встреча с хозяином тайги

О Рексе можно рассказывать бесконечно, но об одном замечательном случае просто невозможно умолчать. Я уже был старшеклассником. Охота, к которой меня приобщил дед Сергей, стала для меня настоящей страстью. Стояла золотая осень с утренними заморозками, и я отправился с Рексом в тайгу на охоту на боровую дичь. Место, где мы обычно охотились, было довольно далеко от дома, где-то у истоков двух таежных речек Кормужиханки и Гагарки.

Следуя тропой вдоль бережка таежной речушки с собакой, я отслеживал стайки рябчиков, вспархивающих с дерева или с земли. Отлетают они недалеко и быстро садятся на ветки соседних деревьев. Пользуясь «манком» со своеобразным свистом, можно привлечь внимание рябчиков. Здесь, чтобы не разогнать стайку рябчиков, особенно подходит малокалиберная промысловая винтовка. Рекс при этом старательно «держал язык за зубами». До чего же умная была собака! Подобрал трофей, двинулись дальше.

Рекс умчался вперед в поисках птицы покрупнее – глухаря, например, а может быть, пошел по следу какого-то зверя. Кроме облегченной винтовки на плече у меня было оружие посерьезнее – двустволка 16-го калибра, в одном стволе которой всегда находился патрон с пулей «жакан» на всякий случай. Рекс, что-то учуяв, куда-то исчез.

Я не придавал этому значения и продолжал беззаботно идти по берегу. Но что-то заставило меня обернуться назад. О Боже мой! Следом за мной неторопливо брел медведь, он даже не бежал, а шел так же спокойно, как я. Откуда он появился, размышлять было некогда. Наверное, Рекс умчался по его следу, круг которого, очевидно, выходил обратно к берегу речки. Оторопев от неожиданности, я свистнул, а затем позвал: «Рекс, ко мне!» Схватив двустволку, я заменил патрон с дробью на патрон с пулей и взвел оба курка, ожидая нападения зверя. Медведь продолжал приближаться ко мне.

По рассказам бывалых охотников, бежать от него бессмысленно, этим только можешь спровоцировать нападение. Ждать развязки долго не пришлось. К счастью, Рекс не заставил себя ждать, хотя эти мгновения неодолимого страха показались мне тогда невыносимо долгими. Услышав зов о помощи, «боевой друг», бросил выслеживать зверя и бросился прямо ко мне, рискуя свернуть шею, продираясь сквозь валежник. Что же произошло дальше?

В псе пробудился настоящий зверь, и он с бешеной яростью набросился на медведя. Шерсть на загривке пса стояла дыбом. Бедный медведь не ожидал такого отпора – не всякая собака способна вступить в схватку с хозяином тайги, – а может быть, был слишком молод. Своим нападением Рекс поднял его на задние лапы, заставив медведя принять оборонительную стойку. Рекс хватал его за «штаны» и крутился волчком вокруг зверя, от которого в любой момент можно было получить смертельный удар крепкой когтистой лапой.

Рекс продолжал нападать, и медведь медленно, уже на четырех лапах, с ревом стал отступать в сторону таежной речки. Наконец Рекс загнал медведя в воду, и тот пустился вплавь в сторону противоположного берега. Переплыв неширокую речку, зверь выскочил на берег, обернулся на собаку и рявкнул, словно хотел сказать: «Ну что, слабо? Попробуй достань меня здесь, да и надоед ты мне». Рекс с диким лаем носился по берегу, торжествуя одержанную победу, но в воду залезать не торопился. Речка стала пограничной полосой, разделившей «сферы влияния» собаки и медведя.

Рекс не унимался до тех пор, пока медведь не скрылся из виду, отправившись дальше своей дорогой. А я, придя в себя от потрясения, двинулся в сторону дома. Долго еще Рекс продолжал лаять, и только некоторое время спустя присоединился ко мне. Чувствовалось, что он устал, даже шерсть на загривке уже не стояла дыбом.

Когда мы остановились перекусить, Рекс вытянулся на земле, язык вывалился у него из пасти, он тяжело дышал и ласково смотрел на меня. В глазах у пса можно было прочесть: «Ну что, друг, как бы ты управился с этим мишкой без меня, а ведь я его учуял раньше тебя!» Да, ситуация была с непредсказуемым исходом, Рекс выручил меня в серьезной переделке. Все-таки он был чертовски умным псом!

При охоте на обычную боровую дичь Рекс никогда не поднимал голос, чтобы не спугнуть птицу. Если же ему попадался глухарь, то можно было услышать его характерный, редкий и как бы спокойный лай. Этим он отвлекал внимание птицы на себя, что позволяло охотнику подойти ближе к дереву, на котором сидит глухарь, с противоположной стороны.

Наконец, мы, усталые, добрались до дома с трофеями, и мне пришлось рассказать родителям о встрече с медведем. Мама с тревогой вздыхала, переживая за меня. У отца же все внимание занял Рекс, самоотверженно вставший на мою защиту. Поглаживая пса, отец приговаривал: «Молодец!» Вот таким был наш славный Рекс.

* * *

С приходом осени в нашем краю наступает пора заготовки кедровых орехов, утиной охоты и рыбалки плавными сетями. О заготовке кедрового ореха стоит рассказать отдельно. Созревание плодов кедра приходится на конец августа – начало сентября, а процесс сбора урожая имеет характер семейного подряда. Необходимыми инструментами в тайге являются топор, пила, ведро и мешок. Уже на месте мастерится деревянный «колот». Это нехитрое орудие труда представляет собой довольно увесистую чурку, посаженную на шток длинной около двух-трех метров. Конец рукояти упирают в землю на некотором удалении от ствола кедра и с размаху ударяют по дереву несколько раз чуркой; от ударов начинают сыпаться шишки. В такой момент стоит прикрыть голову руками, чтобы защититься от шишек, дождем падающих с дерева. Собранные шишки затем вручную обрабатывались на немудреном приспособлении, напоминающем стиральную доску, изготовленную из дерева. При помощи деревянного валька шишки растираются до тех пор, пока из них не начнут сыпаться орехи. Чтобы избавиться от шелухи, орехи просеиваются на ветру, после чего в сыром виде доставляются домой для просушки и прокаливания в русской печи. После этого орехи можно хранить длительное время, скорлупа орехов легко раскалывается, и оттуда без труда извлекаются нежные ядрышки, необыкновенно богатые белком и ценными витаминами, необходимыми человеку, особенно в период продолжительной сибирской зимы.

На утиную охоту мы обычно отправлялись с моим старшим товарищем Геней Белимом – соседом по квартире в эмтээсовском доме, где мы жили. К нам часто присоединялись братья Купряхины или Яковлевы. Охотиться надо на «зорьке», то есть в короткий промежуток времени после захода солнца до наступления сумерек или перед рассветом. В морской терминологии это время именуется «навигационными сумерками», а его характерной особенностью является то, что еще видна линия горизонта, но появившиеся первые крупные звезды и планеты позволяют провести астрономическую обсервацию для определения местоположения корабля в океане. Вот тогда-то и начинается увлекательная охота с отстрелом на взлете отъезжей за лето утки, готовящейся к перелету в далекие южные страны, где эти птицы спасаются от затяжной сибирской зимы.

Осенью, еще до начала образования льда, интересно рыбачить в протоках Большой и Малой Оби. Небольшая сеть длиной 25–30 метров выбрасывается под углом к берегу на определенном удалении от него, чтобы она могла свободно плыть по течению. Другой конец сети находится у борта лодки, стоящей недалеко от берега, насколько позволяет глубина. Время от времени те, кто находятся в лодке, с шумом опускают в воду весла. Эти звуки

отпугивают рыбу, устремляющуюся от берега в сторону сети. Улов здесь в основном состоит из шук.

А вот добрую рыбу нам приходилось добывать, как правило, осенью плавными донными сетями, так называемыми провязами. Обычно такие сети выставляются на специально очищенных от коряг плесах – «плавах». Так они названы потому, что сетки с лодкой плывут по течению реки. Сети снаряжены, или, как говорят, «посажены» так, что при дрейфе вниз по течению нижняя подбора сети идет рядом с дном реки. Один конец сети с буйком находится в «свободном полете», а другой – у борта дрейфующей лодки. Рыбная ловля продолжается на протяжении двух километров. Затем сеть с уловом муксуна или нельмы выбирается на борт лодки и готовится к выбрасыванию на очередной «плав». А какую радость испытываешь, если в сеть попадает стерлядь, из которой делается настоящая уха. Это уже большая удача и несравненное удовольствие для собравшихся за столом!

* * *

С наступлением зимы мы часто играли в футбол. Самым подходящим местом было колхозное поле недалеко от школы. Играли мы в валенках. Кроме нас, малышей, играли и ребята из старших классов, такие как Гена Белим, мой старший товарищ. Он отличался необыкновенно сильным ударом, после которого мяч летел со свистом. Это был непревзойденный «забивала».

Однажды мы настолько увлеклись игрой, что не заметили появления на другом конце поля невесть откуда взявшегося небольшого самолета. Обычно зимой самолеты садились и взлетали на левом берегу Оби. Увидеть здесь на поле самолет было странно и непонятно. Оставались только две версии: или самолет совершил вынужденную посадку, или пилоту захотелось погонять мяч вместе с нами. Так оно и вышло, выйдя из машины, летчик присоединился к нашей игре. Наигравшись, он собрался в путь. Но мальчишкам страшно хотелось покататься на самолете. Пилот не мог отказать нам и любезно пригласил в кабину. Мы по очереди забирались в кабину, после короткого разбега самолет взлетал и, сделав небольшой круг, тут же приземлялся. Нам такая прогулка казалась настоящим приключением.

Покатав нас на своей «стрекозе», летчик поднял самолет в воздух и скрылся из виду.

Полагаю, что он сам получил не меньшее удовольствие от игры в футбол и устроенного для ребятни праздника. Много лет спустя мне довелось вновь встретиться с этим пилотом в Антарктиде, но это уже другая история.

* * *

Зимой помимо лыж и футбола мы с не меньшим энтузиазмом занимались подледной рыбалкой. Эта вид рыбной ловли несколько отличается от обычной и требует особой усидчивости, необходимой, чтобы провести несколько часов рядом с удочкой у выдолбленной во льду лунки. С осени в большом ведре заготавливались черви, куда кроме земли бросались зерна ячменя. Прорастая, ячмень давал подкормку червям, делая их аппетитными и более привлекательными для рыбы. После ледостава любители-рыболовы выходили на лед Большой или Малой Оби, кому где нравилось. Во льду пешней пробивались лунки и ставились переметы из двух-трех удочек. При значительной глубине перемет ставился на лине с грузом, опущенным на дно. Если глубина оказывалась небольшой, около полутора-двух метров, перемет ставился на кол, вырубленный из зарослей тальника. Через сутки переметы нужно было проверить. Улов был обычно неплохим – язь, налим и реже сырок.

Несколько слов об одном замечательном феномене природы. Как правило, в конце марта – начале апреля в некоторых протоках после сильных зимних морозов образуется

мощный ледовый панцирь. В результате этого возникает дефицит кислорода в воде и соответственно у речных обитателей наступает острое кислородное голодание, получившее у местных жителей название «замор» или «загар». Рыбаки, занимаясь ловом не один год, как правило, знают такие места. В большую прорубь, пробитую во льду в таких местах, рыба устремляется как к живительному источнику кислорода. На поверхности собирается масса рыбы. Остается только черпать ее и выбрасывать на лед. Из таких мест рыбаки вывозили улов целыми возами.

* * *

В конце зимы между колхозами района проводились увлекательные конные состязания. Гонки устраивались на льду Оби, на предварительно подготовленной с помощью трактора и волокуши трассе, и привлекали множество зрителей. Каждый колхоз выставлял для гонок свою лучшую лошадь. Гонки проходили по замкнутому кругу, по периметру которого стояли болельщики, среди которых были мы, мальчишки. В заездах, как правило, участвовали председатели колхозов. Под их наблюдением из года в год готовились легкие санкошевки и добрые кони. Чаще всего победителем таких гонок оказывался передовой по тем временам колхоз поселка Каменный, возглавлявшийся Алексеем Власовым. Почему я это так хорошо помню? Потому, что он был товарищем моего отца и когда бывал в Октябрьском, всегда останавливался у нас дома.

* * *

Можно много писать о детских увлечениях, но с наступлением юности помимо рыбалки в нашу жизнь входили другие, куда более серьезные занятия. Неожиданно возник интерес к парусному спорту. Вместе с Володей Слободсковым – моим другом детства, мы самостоятельно соорудили мачту с реем, сообразно размерам лодки. Для изготовления паруса требовалась специальная прочная ткань, и достать ее было непросто. Однако бабушка Катя пожертвовала не нашедшим применения старым большим пологом. Вот из него-то мы и выкроили сегменты косого паруса, а моя тетя соединила их, прошив крепким швом. В довершение парус обшили по периметру специальной тонкой, крепкой веревкой, называемой тетивой, для усиления прочности конструкции. Получился добротный косой парус, позволявший маневрировать и ходить различными галсами относительно ветра. Под этим парусом мы с Володией вместе с нашими сестрами Валею и Таней совершали приличные переходы по Оби. Выглядело это довольно романтично, особенно когда лодка, увлекаемая парусом, лихо неслась по поверхности воды, убегая от догоняющих ее волн.

Другой, не менее интересный эпизод. В жаркие июльские дни, когда температура воздуха достигала тридцати градусов по Цельсию и больше, вода в Оби хорошо прогревалась. Воспользовавшись благоприятной погодой, мы организовали групповой заплыв через Обь. Поскольку течение могло снести пловца далеко вниз, чтобы очутиться на левом берегу напротив Октябрьского, нам пришлось подняться на лодке вверх по реке к местечку, расположенному где-то между таежными речками Серебрянкой и Сактасой, впадающими в Обь. Ширина реки напротив Октябрьского составляла около двух с половиной километров, и нам, мальчишкам, надо было преодолеть эту дистанцию вплавь. Но как решили, так и сделали. На всякий случай нас сопровождала лодка, откуда приглядывали за лихими пловцами. Заплыв прошел успешно. На левом берегу, куда мы выплыли, находилась молочно-товарная ферма местного колхоза. Здесь мы оперативно организовали рыбалку, вскоре запыхав костер, а из красноперых окуней получилась прекрасная уха с дымком от костра.

Вспоминается еще один интересный случай в летнюю пору. Необходимо было подкосить свежей травы для коровы на левом берегу Оби и привезти траву домой на лодке. Во время половодья в некоторых озерах вода поднимается и заполняет прилегающие к ним низины, которые превращаются в так называемые курьи, с выходом в Обь. Стоял июль и уровень воды пошел на убыль, но лодка еще свободно проходила через узкий проход из Оби, и мы проследовали через озеро дальше. Накосив травы, мы с отцом остановились отдохнуть и выпить чаю. Солнце опускалось к закату, стояла тишина. Однако на поверхности воды то здесь, то там появлялись всплески, оставленные играющей в лучах заходящего солнца рыбой. У нас с собой была сеть, которую отец решил поставить, что и было сделано без промедления, пока не наступила темнота. Вскоре в сети оказалось достаточно рыбы, уходившей из курьи вместе с убылью воды.

Среди ночи со мной произошел небольшой казус – задремавши, я свалился прямо в небольшой костер. Отец вовремя вытащил меня из огня, не дав вспыхнуть одежде, но это происшествие тут же забылось. Близился рассвет, и надо было выбирать сеть, полную рыбы. Занимаясь сетью, я, раздевшись, плавал около лодки, но теперь вода едва поднималась выше пояса. Мы едва выбрались из этого озера на своей лодке через узкий и мелководный проход в Обь. Так курья буквально на наших глазах прекратила свое существование до следующего паводка, превратившись в озеро, приглянувшееся карасям и ондатрам, куда мы не раз навещали с моим товарищем Борей Быковым.

Экспедиционники

Каникулы после девятого класса выдались еще интереснее. Из Москвы прибыли специалисты, занимавшиеся изучением недр древней земли Югры и поисками залежей углеводородов, о наличии которых свидетельствовали многочисленные косвенные признаки. Специалисты оказались студентами-выпускниками и аспирантами геологического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. Ребята по прибытии в Октябрьское сразу отправились в райком комсомола, который в ту пору являлся уважаемой молодежной организацией Советского Союза. К сожалению, с развалом СССР комсомол также почил в бозе.

Секретарем райкома ВЛКСМ был наш прежний классный руководитель Мясников Геннадий Михайлович. Как педагог он сразу же завоевал наше расположение своей простой манерой общения. К тому же он был прекрасным спортсменом – чемпионом области по боксу в своем весе. Для нас, деревенских мальчишек, он стал непререкаемым авторитетом. Организовав в школе секцию бокса, Геннадий Михайлович не только приучал нас к физической культуре, но и учил, как постоять за себя и защитить слабых.

Секретарь райкома радушно принял геологов-комсомольцев из Москвы. Внимательно выслушав их, он взялся помочь им в решении возникших вопросов. Как выяснилось, геологам в первую очередь нужны были разнорабочие, хорошо знакомые с местными условиями. Так в состав «летучего отряда» экспедиции Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова по призыву «главного комсомольца нашего района» вошли двое братьев Яковлевых – Юра и Гоша, братаны Купряхины – Юра и Сережа, Валера Придон и я. Вместе с мальчишками в отряд зачислили двух девочек, наших соучениц – Галю Пинягину и Галю Кожухову, выполнявших обязанности поварих.

Изучение недр Югры началось от поселка Большой Камень по левобережью Оби до Перегрёбного. Для передвижения по воде в распоряжение экспедиции был выделен мощный катер и моторная лодка с подвесным мотором. Наша работа в составе экспедиции заключалась в установке переносного электрода, подключенного с помощью кабеля к потенциометру. Прошедший сквозь почву электрический сигнал попадал на вход потенциометра, показания которого снимал специалист-оператор. Результаты определенно свидетельствовали о наличии залежей углеводородов в недрах Приобья. Нам эта работа казалась исключительно интересной. Кроме того на нас возлагались обязанности по обеспечению экспедиции свежими продуктами. К тому времени мы уже свободно владели охотничьим ружьем и навыками охоты и запросто обращались с рыболовными снастями.

Изучая недра окрестностей нашего Приобья, мы переходили от одного места к другому, и не только в районе Оби, но и в районе Малой Оби с ее многочисленными протоками, богатыми рыбой, дичью, а также грибами и ягодами. В протоках нам встречались места, где поверхность воды от берега до берега сплошь была покрыта водоплавающей «ленной» птицей, гусями и утками. Оказавшись в таких местах на лодке или катере, приходилось поневоле сбавлять ход. Напуганная водоплавающая дичь выходила на берег, а затем снова возвращалась в воду, где чувствовала себя в большой безопасности. Наши молодые руководители доходчиво рассказывали об обнаруженных залежах и свойствах углеводородов. Экспедиция убедительно подтвердила предположение о наличии в наших местах месторождений углеводородов, что и требовалось доказать. Полученные результаты получили высокую оценку руководства геологического факультета МГУ, прибывшего в Октябрьское к окончанию работ нашего летучего отряда.

Школьные наставники

Незаметно пролетали летние каникулы, а осенью мы снова возвращались в школу, переходя из класса в класс. Самые теплые воспоминания остались о замечательном педагоге и человеке – учительнице немецкого языка Агате Давыдовне Боргер, нашем классном руководителе с пятого класса. К ее требовательности и справедливости мы относились с большим уважением. Она была из волжских немцев, к которым, как известно, отношение было настороженным, особенно в первые дни войны. Муж оказался в сталинских лагерях, а ее с сыном выслали к нам в Сибирь. Женщина выстояла под тяжелыми ударами судьбы, не сломилась, вырастила сына Альберта, ставшего, как и она, уважаемым учителем немецкого языка в нашей школе. С полученными от них знаниями языка легко было сдать экзамены в самые престижные гуманитарные вузы.

Директором нашей школы в то время был замечательный человек – Виталий Сергеевич Галузинский. Участник войны, выполнявший ответственные задания командования на оккупированной территории в подполье, он также свободно владел немецким языком и наряду с выполнением обязанностей директора вел эти занятия, а иногда еще и уроки истории. Он был строг внешне, и мы немного побаивались его. Но его забота и душевность располагали к себе. Жена Галузинского, Тамара Григорьевна Шулятьева, преподавала математику. К сожалению, уже после нашего окончания по наветам завистников и недоброжелателей Виталий Сергеевич был незаконно осужден, причем обвинили его в том, что у него не было специального педагогического образования.

Среди других преподавателей запомнился также учитель биологии и еще один наш классный руководитель, Мясников Геннадий Михайлович, о котором я уже рассказывал. Надо сказать, что доставшийся ему наш восьмой класс оказался не из легких. Быть может, именно поэтому, как только Геннадий Михайлович появился в школе, ему было предложено взять классное руководство над нами. Хочется выразить ему особую признательность за то, что он увлек нас занятиями спортом. Зоя Ефимовна Здобина (Еркова), наделенная особой русской красотой, преподавала историю; Замотаева Тамара Филипповна – географию и астрономию; а Геннадий Николаевич Тимофеев – рисование и музыку. Позже в нашей школе появились такие замечательные учителя, как Лидия Яковлевна Ахмадшина и Лидия Степановна Карандаева, приложившие много сил к тому, чтобы подготовить нас к выпуску из школы.

В то время отношение к спорту было исключительно серьезным, хотя таких условий, как в настоящее время, естественно, не было. Любовь к спорту помогла нам быстро подружиться с братьями Славой и Эдуардом Бобовичами, семья которых переехала к нам из Сургута. Около своего дома они сделали турник, обзавелись гирями и стали самостоятельно в летнее время заниматься гимнастикой и тяжелой атлетикой.

Помимо нашего классного руководителя страстными популяризаторами спорта и руководителями спортивных секций в школе были Григорий Михайлович Леонов и Роберт Богданович Рифель. Много из того, чему они нас научили, пригодилось впоследствии в жизни.

Увлечение с детства лыжами позволило мне, не занимавшемуся никогда в спортивной секции, получить по итогам одного из соревнований третий разряд, хотя лыжи у меня были обычными, с мягкими креплениями, рассчитанными на валенки. Лыжных ботинок просто не было. Под жесткие крепления их приходилось мастерить самостоятельно из рабочих ботинок, снабжая с учетом сибирских морозов войлочной подошвой. Уже в восьмом классе, на очередных районных соревнованиях я сумел завоевать первое место, выполнив нормативы второго разряда как по лыжам, так и по стрельбе.

Иногда с товарищами мы отправлялись в дальние лыжные походы. С такой подготовкой мы со Славой Бобовичем решили во время зимних каникул десятого класса совершить лыжный переход в Заречное, находившееся в шестидесяти километрах от нас.

Утром, в последний день декабря, накануне Нового года, мы двинулись в путь по заснеженной Оби, взяв с собой в дорогу испеченные мамой пирожки. Погода стояла хорошая, морозец был невелик, в пределах 10–15 градусов. Первые пару десятков километров шли без усталости. Поскольку светлый день в декабре в наших местах очень короток, вечерние сумерки наступают рано. Через сорок пять километров Слава стал сдавать и без моей помощи уже не мог двинуться дальше. Пришлось остановиться в Сатникове.

Незнакомые люди оказали нам самый радушный прием и устроили у себя на ночлег. Как много все-таки добрых людей на белом свете, особенно в Сибири. Слава после горячего чая остался отдыхать, а меня пригласили на новогоднюю елку в местную школу, где я интересно провел время в компании новых знакомых.

Отдохнув и поблагодарив хозяев за ночлег, мы утречком первого января отправились дальше. Оставшиеся пятнадцать километров дались легко, и мы еще утром оказались на моей малой родине в Заречном. Нас с радостью встретили дедушка с бабушкой и семья дяди Саши – директора зареченской школы, продолжавшие праздновать Новый год. Погостив и пообщавшись с друзьями детства, после нескольких дней мы отправились домой. В этот раз шестьдесят километров нам удалось одолеть без остановки.

Увлекаясь лыжами с детства, мы с друзьями добивались хороших спортивных результатов. Рядом со мной (справа) Володя Слободсков

Прощай, школа

Наступило второе полугодие последнего учебного года, и нужно было основательно взяться за подготовку к выпускным экзаменам.

Сложнее всего обстояло дело с литературой и русским языком. Сочинения у меня получались куда пространнее, чем у соседки по парте Гали Пятериковой, но зато и синтаксических ошибок было больше. За сочинение, изложенное на двух-трех тетрадных страничках, она всегда получала четверку или пятерку. Мне же за сочинения в полтетради светила в лучшем случае тройка с минусом. Позже я научился писать лаконичнее, стараясь излагать мысли простыми предложениями без мудреных оборотов. Результаты заметно улучшились.

Вот и долгожданный выпуск! Прощай, наша старенькая деревянная школа.

В тот год состоялся одновременный выпуск двух десятых классов «А» и «Б». На память о прощальном вечере с преподавателями и родителями осталась фотография, снятая на фоне родной школы, которая до сих пор хранится у меня.

Обычно большинство выпускников нашей школы продолжали учебу в одном из ближайших сибирских вузов: педагогическом, медицинском, лесотехническом, сельскохозяйственном, автодорожном или политехническом. Мы же со Славой Бобовичем вознамерились поступать в Ленинградское морское училище, но каждый отправился туда своей дорогой.

Для того чтобы встретиться со своими дядями в Москве, я пустился в путь по реке через Салехард, взяв билеты на пароход «Михаил Калинин». В Лабытнангах, расположенных на левом берегу Оби, я впервые увидел железную дорогу, паровозы и огромные составы. Станция Лабытнанги в Заполярье по сей день является конечной станцией железнодорожной ветки, выходящей к берегам Оби. Как и дорога на Воркуту, она была построена в советское время главным образом руками «зэков». Из окон вагона поезда можно было видеть лагерь, как расформированные, так и те, что продолжали исправно функционировать. Все они входили в состав хорошо известной тогда всем на Севере «501-й стройки».

Вспомнилось, что и у нас в Октябрьском после войны какое-то время существовал такой же лагерь, расположенный чуть ниже по течению реки за Половинкой. Лагерь находился в одном из больших «логов». Логом на местном наречии назывался большой овраг или распадок на возвышенном таежном берегу Оби, обычно спускающемся к берегу реки пологим склоном, переходящим в низину. Там-то и стояли бараки с заключенными, обнесенные по периметру колючей проволокой. Администрация лагеря и охранники размещались в самом Октябрьском.

Местным жителям строго-настрого запрещалось подходить к территории лагеря, а суда и лодки не могли приблизиться к берегу ближе, чем на двести метров. В 1953 году, после смерти Сталина и с наступлением политической оттепели, этот ужасный лагерь был закрыт. А те, кто жил на Половинке, смогли вздохнуть спокойнее, потому что до этого проверки и обыски домов сотрудниками лагеря после побегов заключенных были обычным явлением.

Население Половинки в ту пору состояло в основном из сосланных сюда немцев Поволжья. Это были главным образом мастеровые люди, занимавшиеся выделкой для обуви добротной кожи из шкур домашнего скота. Наряду с этим они делали мебель и другие вещи, обеспечивая ими местное население Кондинска и ближайших поселков. Мой отец Дмитрий Сергеевич, например, часто пользовался услугами одного знакомого немца-сапожника, делавшего обувь для всей нашей семьи. Он тачал сапоги так, что любо-дорого посмотреть, не говоря уже о том, что носить такую обувь было одно удовольствие – она оставалась сухой в любую распутицу.

После окончания войны до Кондинска докатилась очередная большая волна ссыльно-поселенцев. Ссылных привозили сюда целыми пароходами, семьями и поодиночке. Как

было принято в то время, сотрудники НКВД назначали место жительства, но дальше они устраивались как могли. Тем, кому удавалось устроиться на работу в МТС или на рыбозаводе, считалось, крупно повезло. Среди ссыльных преобладали украинцы с белорусами, но встречались молдаване и прибалты, татары и калмыки.

Запомнился один старик-калмык. По-человечески его надо было бы вернуть на родину, дать спокойно умереть. Так нет, тогдашняя власть, занесла его в списки «злейших врагов народа», отправила эшелоном в Сибирь на исходе осени и бросила на произвол судьбы в чужом краю среди незнакомых людей, говорящих на непонятном для него языке.

Старик был больным, голодным, бездомным, холодным и никому не нужным. Скитаясь по берегу Оби под горой, где раскинулись постройки лесничества, он соорудил себе нечто похожее на примитивный шалашик, воспользовавшись досками, найденными среди плавника, и подобранными клочками сена. Мы, пацаны, иногда приходили поиграть сюда и не могли без жалости смотреть на этого мученика. Проникшись состраданием к бедному и несчастному человеку, мы приносили ему из дома что-нибудь съестное, кто что мог. Так и старались поддерживать его силы и продлить его жизнь, ставшую ненужной ему самому. Наверное, он в своих молитвах просил только об одном – послать ему спокойной скорейшей кончины.

Наступили ранние зимние холода, бедный больной и забытый всеми калмык долго не протянул. Однажды, заглянув в его шалаш, мы нашли его замерзшим. А сколько ему подобных погибли в ходе кампаний по борьбе с «классовыми врагами», проходившими до и после войны, а ведь этими врагами в большинстве своем оказывались обыкновенные, простые люди. Такие были ужасные времена.

Но вернусь к рассказу о своем первом дальнем путешествии. Пересев на воркутинский поезд, я добрался до Москвы, где в то время проходил международный фестиваль молодежи и студентов. Златоглавая столица с ее станциями метро, многоэтажными и красивыми зданиями, увиденными впервые, поразила меня. Надо полагать, что фестиваль имел особое значение для нашей страны, поскольку впервые приподнял «железный занавес», отделявший ее от остального мира.

Встретившие меня дядя, прошедшие войну и окончившие вузы, хотели, чтобы я поступал в институт. Я вынужден был подчиниться авторитетному большинству, руководствуясь глубокой философской мыслью: «Попытка – не пытка». Не утруждая себя выбором, сдал документы на энергетический факультет МИХМ (Московского института химического машиностроения), который окончил мой младший дядя. За мою подготовку по математике взялся старший дядя, окончивший с отличием Военно-инженерную академию, в конечном итоге этот экзамен был сдан на «отлично».

Мои дяди Леонид Александрович (слева) и Виктор Александрович Симоновы с семьями

Для меня и моих родственников результаты сдачи экзаменов выглядели вполне прилично, этот «сибирский валенок» набрал 22 балла из 25. Но для поступления на энергофак у меня не хватило одного балла. Мне предложили поступить на химический факультет, однако желания учиться в институте, как ни странно, я не испытывал и забрал свои документы.

* * *

Ехать в Ленинград и поступать в училище было поздно, набор там уже закончился. Так или иначе, но у меня созрело одно решение. К этому времени в Москве появился мой товарищ Слава. К сожалению, он не смог поступить в училище и теперь с мамой возвращался домой. Я предложил ему отправиться в путь вместе.

Мы выехали из Москвы поездом под попечительством Славиной мамы, но уже другим маршрутом – югом Сибири, через Тюмень. На пристани в Тюмени встретили лучшую ученицу нашего класса Галю Пятерикову. Уж от кого угодно, но от нее мы никак не могли ожидать, что она не пройдет по конкурсу в институт. Вот такая «веселая компания» недавних выпускников возвращалась домой.

Наверное, каждый из нас по-своему реагировал на «неудачное» поступление и строил планы на будущее. Разумеется, переживали и родители «неудачников», такова жизнь. Больше всех переживала неудачу Галя. Ведь она была очень прилежной девочкой и очень серьезно относилась к учебе в школе, по сравнению с нами, мальчишками. Дорога и совместное плавание на пассажирском лайнере помогли нам со Славой хоть как-то забыть о своих неудачах, чего нельзя было сказать о нашей подруге.

Мы со Славой чувствовали себя настолько беспечно, что даже радовались такому повороту судьбы: мечта о море осталась с нами, а остальное, как нам думалось, со временем устроится. Но вернуться всем вместе в Октябрьское нам было не суждено.

В одном из портопунктов мы со Славой сошли во время стоянки парохода на берег, чтобы приобрести какую-то мелочь в магазине. Но то ли судно ушло раньше назначенного времени, то ли мы увлеклись новыми впечатлениями, забыв об отходе парохода – так или иначе, мы отстали от Гали и Славиной мамы и остались одни на осеннем берегу, да еще и легко одетые. К нашей удаче, здесь оказалась «самоходка», так называли самоходные баржи, перевозившие грузы в бассейне Оби и Иртыша. Недавно построенные в ГДР, по тому времени они считались современными речными судами. Мы были счастливы, когда капитан этого великолепного судна великодушно взял нас, «робинзонов», к себе на борт. Наверное, сочувствие капитана к судьбе незадачливых кандидатов в курсанты и скитальцев-мореходов, отставших от лайнера, пробудили наши тельняшки. Как бы то ни было, мы были очень признательны ему.

Благодаря такому повороту дел, мы практически догнали оставивший нас «на диком берегу» пассажирский лайнер и прибыли в Октябрьское на следующий день после него.

Родители огорчились нашему отсутствию на борту прибывшего лайнера, но огорчение было забыто, когда мы неожиданно-негаданно появились на «быстроходной» самоходке. Впереди нас ожидало интригующее будущее, и ждать его наступления пришлось недолго.

О спортивных делах

Вскоре после возвращения в Октябрьское нас вызвал к себе секретарь райкома комсомола, наш бывший классный руководитель и тренер по боксу Геннадий Михайлович Мясников. Кстати, после занятий в его секции двое наших выпускников стали мастерами спорта – Володя Алабышев и Владик Русаков.

А к нам Геннадий Михайлович обратился примерно со следующими словами: «Ну что, расстроились после первого же "неудачного раунда"? Умейте держать удары, их будет предостаточно в вашей жизни! И не унывайте, вас ждет впереди много интересного», – и пообещал нам, что наши спортивные таланты будут в ближайшее время востребованы.

Действительно, со спортом у Славы отношения складывались хорошо: он систематически занимался в школьных секциях гимнастики, тяжелой атлетики и т. д. Ему Геннадий Михайлович предложил стать учителем физкультуры в нашей школе, а мне – работу в районном комитете физкультуры и спорта при райисполкоме. Звучит внушительно, но, скорее всего, за всем этим скрывалось желание местной власти утвердиться в статусе «районный» по всем направлениям своей деятельности. На самом деле масштабы и ресурсы «районного руководства» оказались довольно скромными.

Дела так называемого председателя районного комитета физкультуры и спорта (РК ФиС), я принял у всем известной в Октябрьском Тамары Александровны Слободсковой (Пинягиной). В то время она была лучшей лыжницей не только в нашем районе, но и во всей области – мастер спорта! Ее больше прельщала работа учителем в нашей начальной школе, где она и трудилась вплоть до выхода на пенсию. В РК ФиС имелись какие-то призрачные планы строительства стадиона, начало которому было положено подготовкой площадки с использованием бульдозера, но на этом все работы завершились. Сейчас эту территорию заняли объекты, не имеющие никакого отношения к спорту. Примерно так же выглядели дела у районного комитета ДОСААФ, с которым мы вместе ютились в тесной комнатке в закоулках старого деревянного здания райисполкома. В то время РК ДОСААФ возглавлял Анатолий Назаров, бывший военный летчик, пользовавшийся большим авторитетом у руководства.

Исполнительная власть мало интересовалась нашими делами, мы были предоставлены самим себе, сами сочиняли и сами же выполняли намеченные планы популяризации и развития спорта в районе и регулярно получали за это зарплату. Отчитывались мы каждый своими, но чаще совместными соревнованиями в масштабах Октябрьского или даже целого района. Соревнования проводились в основном зимой, а наиболее популярными видами спорта являлись лыжные гонки и пулевая стрельба по неподвижной мишени из малокалиберной винтовки. Другие соревнования – по боксу, гимнастике и тяжелой атлетике, устраивались на сцене местного дома культуры, называвшегося клубом. Участниками соревнований, как правило, были учащиеся старших классов средней школы и рабочая молодежь.

В районных соревнованиях в основном принимали участие учащиеся поселковых школ района. Соревнования всякий раз выливались в настоящий праздник для спортсменов и болельщиков. Команды сельских школ возглавлялись директорами-энтузиастами, такими как директор зареченской школы Александр Сергеевич Утусиков (мой родственник, о нем я уже упоминал), или такими же энтузиастами-преподавателями. Трассу лыжных гонок готовили заранее, привлекая к этому добровольных помощников. Не располагая готовыми аксессуарами вроде табличек с надписями «Старт», «Финиш» или флажками разметки, делали их сами как могли. Так, транспаранты «Старт» и «Финиш» изготавливались из кумача, на который после разметки смесью молока с зубным порошком наносились буквы. При этом

не обходилось без досадных казусов. Тем не менее все мероприятия проходили с большим подъемом.

В ходе соревнований определялись лидеры, из которых впоследствии формировалась сборная команда района, выступавшая на окружных состязаниях. Состав сборной команды по лыжным гонкам выглядел примерно так: женская – Слободсковы Тамара и Таня, Утусикова Валя, Новик Нелли; мужская – Мельников Рева, братья Бобовичи – Слава и Эдик, Володя Алабышев и я.

Об экипировке лыжников никто не заботился, одевались по погодным условиям, кто как мог. Особого выбора лыж, лыжных палок и ботинок не было, пользовались тем, что завозили в наш магазин. В ту пору такое происходило, наверное, не только в нашем районе, но и в других местах российской глубинки. Что касается лыжных мазей, то в ход шли свечной воск и самодельщина «шаманского розлива», приготовленная на основе древесной смолы. Тамара Слободскова, как самая опытная гонщица, участвовавшая в областных и других крупных соревнованиях, имела небольшой запас импортных мазей «Рекс» и «Сфинкс», изготовленных в Норвегии и Швеции. Но этим «золотым» запасом она нам позволяла пользоваться только в исключительных случаях. Обычные деревянные лыжи, купленные в магазине, приходилось аккуратно обстругивать и зауживать для облечения. Так поступала вся наша команда.

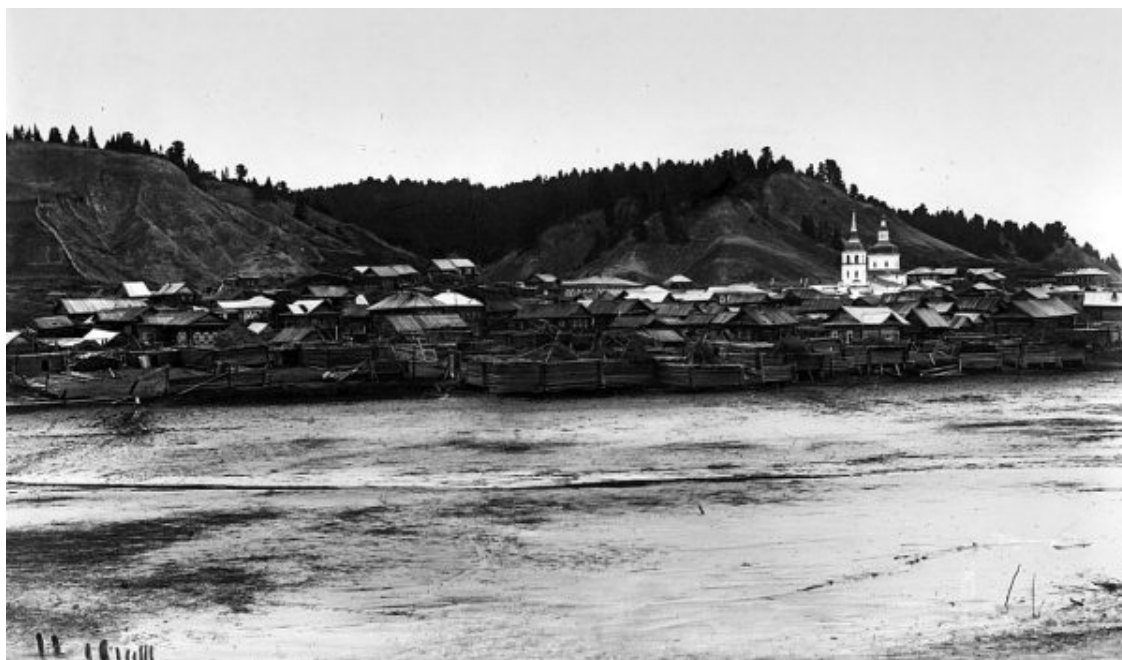
Погода никогда не становилась помехой, какой бы она ни была. К зимним гонкам в Ханты-Мансийске готовились серьезно. Спортивную делегацию района возглавлял председатель ДОСААФ Анатолий Назаров, как самый авторитетный человек в нашем спортивном мире.

В те годы зимой основным видом транспорта, связывавшим Ханты-Мансийск и Октябрьское, являлись самолеты местной авиалинии. Летом взлетно-посадочная полоса для самолетов Ан-2 и Як прокладывалась на песчаном берегу острова, расположенного напротив Октябрьского недалеко от колхозной фермы на левом берегу Оби. Зимой ее готовили на льду замерзшей реки. Поэтому добраться в то время до окружного центра самолетом можно было без проблем.

Поселок Ханты-Мансийск на реке Оби мало чем отличался от Октябрьского. Разница заключалась лишь в том, что он имел статус окружного центра. Кроме того, там, чуть в стороне, на Иртыше имелась большая речная пристань под названием Самарово. Сегодня Ханты-Мансийск не узнать, но это уже отдельная тема.

После прибытия в Ханты-Мансийск нас разместили в доме колхозника с вполне сносными условиями проживания.

На окружных соревнованиях наша команда добилась больших успехов – мы заняли второе место в общем зачете. Среди женщин первенство осталось за Тамарой Александровной Слободсковой, а второе место заняла моя сестра Валя Утусикова. Я проиграл несколько секунд мастеру спорта Химичу – учителю физкультуры из Березова, и мне досталось второе место среди мужчин. Мы были довольны своими результатами. Дома для нас устроили вечер встречи спортивной молодежи в ДК культуры, где мы поделились впечатлениями от пережитого на окружных соревнованиях.

Старый Ханты-Мансийск

С окончанием зимнего спортивного сезона 1957 года началась подготовка к летнему, но мы со Славой Бобовичем уехали поступать в морское училище на берегах Невы. Начинался новый этап моей жизни, растянувшийся на полвека.

Спустя полвека

«И вот они опять, знакомые места...»

Все-таки человеку свойственна ностальгия. Как правило, она связана с малой родиной, где жили родители и похоронены предки, где остались детские друзья и множество товарищей, обретенных за время учебы в школе. И ностальгия дает о себе знать, особенно тогда, когда судьба заносит тебя далеко-далеко от этих мест...

Человек, перебирая в своей памяти картинки прошлого, наверное, всегда устремляется мысленно туда, где остались милые его сердцу места. Скорее всего, он постоянно ждет чудесной возможности встретиться с безвозвратно ушедшим прошлым, и такой случай неизменно возникает в жизни каждого. Неожиданно такой шанс выпал и мне, и я решил им непременно воспользоваться!

Ханты-Мансийск, каков он?

Встреча с ним произошла в 2005 году, и несколько неожиданно, благодаря вмешательству моих двоюродных братьев – и того, и другого звали Игорем. Именно они подвигли меня отправиться в Сибирь. Следует заметить, что один из братьев по отцовской линии окончил после меня нашу среднюю школу с серебряной медалью. Другой же никогда не видел Сибири и имел представление о ней только по моим рассказам и рассказам своего отца, моего дяди, окончившего нашу же школу, но еще в годы войны и ставшего впоследствии заместителем генерального директора крупного завода.

Так вот, его сын предложил нам отправиться в путь через Ханты-Мансийск, обретший теперь известность не только в России, но и за рубежом. Раньше туда можно было добраться из Питера и Москвы только поездом через Тюмень и далее с пересадкой на речной пароход. Сегодня этот город связан прямыми авиалиниями со всеми крупными городами, чем мы не преминули воспользоваться и, в конце концов, встретились в назначенное время в начале августа в аэропорту Ханты-Мансийска. К сожалению, второй Игорь, который должен был прилететь сюда из Кемерово, не смог присоединиться к нам из-за болезни.

Великолепный аэропорт столицы Ханты-Мансийского автономного округа производит сильное впечатление. Нам показалось, что он выглядит даже лучше аэропорта областной Тюмени, центра другого, соседнего федерального субъекта РФ. Погода стояла прекрасная, характерная для этого времени года в Сибири. Нас любезно встретил проживающий здесь Алексей Николаевич, состоящий в родстве с многочисленным и хорошо известным в наших краях семейством Слободсковых.

Наш новый знакомый оказался не только добрейшим человеком, но и прекрасным собеседником. Выступая одновременно в качестве гида и водителя, он показал нам наиболее интересные достопримечательности нового Ханты-Мансийска. Некоторые районы города обрели черты, характерные для всех современных городов мира. Столица Ханты-Мансийского автономного округа величаво раскинулась на месте когда-то непроходимой сибирской тайги. Аэропорт, имеющий статус международного, связан с городом ухоженной автострадой. Она имеет хорошую разметку, освещена, содержится в чистоте, здесь нет ни одной ямки, а въезд в город выложен плиткой и украшен аккуратными газонами. По такой дороге хочется ехать и ехать.

Нынешний Ханты-Мансийск с населением более шестидесяти тысяч человек неузнаваем и несравним с прежним старым поселком сибирской глубинки. Своим процветанием он обязан интенсивному освоению, начиная с шестидесятых годов, нефтегазовых ресурсов региона.

Пристань Самарово с речным вокзалом и гостиницей стала одним из микрорайонов города, где нас радушно встретили и разместили. Из гостиницы открывается великолепный

вид на Иртыш и снующие по нему речные суда и быстроходные «Метеоры», пришедшие в 1960-е годы на смену пассажирским судам прошлого столетия, таким как «Ленинский комсомол» и «Родина». И все-таки жаль, что ушли в прошлое древние колесные купеческие пароходы: ощущения, испытанные во время плавания на них по могучей Оби, не идут ни в какое сравнение с тем, что принес нам прогресс.

Недавно был сдан в эксплуатацию большой мост через Иртыш. Интересно, что в Самаре на центральной площади Свободы установлен памятник Самаре – вождю местных племен, противостоявшему когда-то Ермаку – покорителю Сибири. Наверное, отдавая дань исторической справедливости, здесь же на площади было бы уместно установить памятник и Ермаку, но почему-то у местных властей не хватило «фантазии» увековечить имя покорителя диких племен древней Югры.

Говоря о достопримечательностях Ханты-Мансийска, нельзя не упомянуть о его центральной площади рядом с улицей Мира, где находятся концертно-театральный комплекс, окружная библиотека, картинная галерея и развлекательный центр «Лангал». Недалеко от центра на возвышенном месте возведен великолепный собор. Поодаль раскинулись парк Победы с Аллеей героев, развлекательный центр «Веллнесс», отель «Югорская долина», международный биатлонный центр...

Мне приходилось не раз бывать в Сингапуре, международном морском и воздушном порте, ставшем перевалочным пунктом между Европой и Азией. Ханты-Мансийск своей экстравагантной архитектурой и значением очень напоминает Сингапур, а если вспомнить о богатствах недр Югры, то его по праву можно назвать «сибирским Клондайком».

До отправления быстроходного «Метеора» на Октябрьское оставалось много времени, и, завершив экскурсию, Алексей Николаевич, со свойственным сибирякам хлебосольством, пригласил нас к себе домой. За чашкой чая и сибирскими яствами, приготовленными супругой, хозяин поведал нам много интересного о жизни в здешнем крае и его обитателях. Чтобы читателю стало понятнее, с кем нас столкнула судьба, придется немного рассказать о родословной Алексея Николаевича и семье Слободсковых.

* * *

О Слободсковых можно говорить много. Эта семья известна не только в районе и самом Октябрьском, но и далеко за их пределами. У Александра Ивановича и Анны Николаевны, проживших здесь всю свою жизнь, было семь дочерей и двое сыновей. Все они получили образование, шесть дочерей стали педагогами, еще одна – медицинским работником, большинство из них трудились в нашем районе. Так вот, Алексей Николаевич, встретивший нас в аэропорту, был сыном Марии Александровны, второй по старшинству из дочерей Слободсковых.

Семья Слободсковых – в центре Анна Николаевна Слободскова

Мария Александровна, преподававшая много лет в школе, прославилась как большая мастерица и тонкий знаток национальных ремесел, не раз демонстрировала свои работы на различных выставках. Несмотря на свои восемьдесят лет, она остается активной, доброжелательной и душевной женщиной. Ее сын Алёша окончил летное училище и стал командиром воздушного судна. Работая на вертолетах, облетал весь сибирский край до берегов Ледовитого океана. В авиацию Алексея увлек младший брат мамы, Юрий.

Юрий Александрович – наш друг детства, в свое время окончил Бугурусланское летное училище. Он летал в Сибири и в Заполярье на самолетах малой авиации и вертолетах, был командиром воздушных лайнеров Ил-18 и Ту-154, делал рейсы в Афганистан в разгар боевых действий в восьмидесятые годы, стал заслуженным летчиком и наставником молодежи. Этот замечательный человек заразил своей увлеченностью небом не только своего сына и племянника Алексея – сына старшей сестры, но и сына последнего – Евгения, все они также стали командирами воздушных судов. Вот так пример старшего из сыновей Слободсковых привел к появлению плеяды авиаторов. С представителями большой семьи Слободсковых нам еще не раз предстоит встретиться на страницах этой книги...

* * *

Наступило раннее летнее утро, пора отправляться в Октябрьское. У пристани речного вокзала Самарово стоял, мерно покачиваясь на речной глади, отливающий серебром красавец-теплоход – судно на подводных крыльях, готовое к отходу. Расписание движения скоростных «Метеоров» рассчитано, исходя из продолжительности светового дня, в целях обеспечения безопасности плавания и предупреждения столкновения с плавающими на поверхности бревнами и корягами. Шесть часов утра по местному времени. Несмотря на раннее утро, на пристани вокзала много провожающих и гремит знаменитое «Прощание славянки».

Приняв на борт пассажиров с их ручной поклажей и багажом, занятыми, казалось, все свободное место в проходе между рядами кресел салона, судно плавно отвалило от причала речного вокзала и, развернувшись, двинулось по Иртышу на встречу с могучей Обью.

Над речной гладью еще держался легкий утренний туман, рассеивающийся под лучами восходящего солнца. Корпус крылатого «Метеора» с увеличением хода встал «на крыло», и судно легко достигло скорости более тридцати узлов.

Напомню, что автором идеи и создателем судов этого типа являлся талантливый русский инженер – генеральный конструктор Горьковского судостроительного завода Ростислав Алексеев. Первое судно было им построено для Военно-морского флота в конце сороковых годов. А в начале пятидесятых появилось первое речное судно типа «Ракета», которое привел в Москву сам Алексеев. После этой серии появились «Комета» и «Метеор», кардинально изменившие облик скоростного пассажирского флота на реках страны. А позже со стапелей того же завода сошли крылатые боевые корабли, скорость которых превышала пятьсот километров в час.

Министр судостроения и главком ВМФ не сразу смогли договориться, к какому классу судов следует их отнести. Первый считал, что это морские суда, а второй – воздушные. Наконец, главком ВМФ С.Г. Горшков, принимая во внимание, что они скользят по водной глади не хуже скоростного самолета, причислил эти непревзойденные корабли к военно-морской авиации. К сожалению, многое из достигнутого в строительстве «крылатых» судов оказалось утраченным из-за экономического развала страны и ее флота.

«Метеор» продолжал легко скользить вниз по течению Оби. Мимо пролетали берега с населенными пунктами, в каждом из которых предусмотрена остановка. В этом преимущество малого флота перед большими пассажирскими лайнерами, которые могут заходить только в крупные населенные пункты, протянувшиеся по берегам Оби от Тюмени до Салехарда, где пристани имеют достаточные глубины.

С появлением судов типа «Метеор» проблема сообщения между малыми населенными пунктами на Оби в летнее время оказалась практически решена. Несмотря на остановки, численность пассажиров на судне оставалась почти неизменной.

Вот вдалеке показалось Заречное – моя милая родина. Но там даже «Метеор» из-за малых глубин не может подойти к берегу, и пассажиры вынуждены выходить в Малом Атлыме, что неподалеку от Заречного. Говорят, что Заречное, ставшее вахтовым поселком для нефтегазовиков, теперь не узнать. Нет уже того знакомого мне с детства поселка с его колхозом и промартелью.

Попасть сюда в этот раз из-за недостатка времени мне не удалось. Но я обязательно вернусь в родное Заречное, где родился и где похоронен мой дед Сергей Иванович – есаул сибирского казачьего войска, учивший меня в детстве первым житейским премудростям. А пока удалось только ухватить видеокамерой с борта крылатого судна несколько дорогих моему сердцу пейзажей...

Октябрьское

Расстояние от Самарово до Октябрьского около двухсот пятидесяти километров. «Метеор» смог бы преодолеть это расстояние за четыре часа, но нам со всеми остановками потребовались на это все шесть. Незадолго до прибытия миновали небольшое село Большой Камень, откуда можно было увидеть районный центр. Я стал вглядываться в сторону Октябрьского, открывшегося в легкой туманной дымке. На высоком берегу когда-то выделялась приметная белокаменная церковь, но сейчас среди новых зданий ее трудно было разглядеть. Только когда «Метеор» подошел поближе, обнаружилось то, что от нее осталось – нечто безобразное и жалкое, едва похожее на церковь.

Швартовались к обычному дебаркадеру, украшенному вывеской «Октябрьское» и стоявшему поодаль от крутого подъема на взгорье, где раскинулся поселок. Было заметно, что уровень воды в Оби после весеннего половодья упал, и песчаный берег реки значительно оголился.

Раньше здесь, у крутояра стоял целый ряд деревянных складов на сваях, служивших для хранения товаров, завозившихся в поселок летом пароходами – единственным тогда транспортом, обеспечивавшим снабжение района. От этих складов остались лишь остовы свай. Необходимость в складах, как видно, отпала после прокладки железнодорожной ветки с Урала на Приобье – эта конечная станция расположена на левобережье недалеко от Октябрьского. Поэтому необходимые для Октябрьского и всего района грузы стало проще вести через Приобье, за исключением межсезонья с началом ледостава или ледохода на Оби.

Подъем от дебаркадера к верхней террасе, где находится центр поселка, проложен по традиционной многоступенчатой лестнице с промежуточными площадками. А на крутом яру по-прежнему стоят величественные, как монументы, красавицы ели, хорошо знакомые нам с детства. Преодолев подъем, мы оказались на терраске, где раньше находилось здание речной пристани с залом ожидания. Этого здания давно уже нет, зато есть стоянка такси, откуда за пятьдесят рублей тебя доставят к любому дому.

За полвека многое изменилось. Последний раз мне довелось здесь побывать вместе с мамой пятнадцать лет назад. Даже за это время произошли большие изменения, не говоря уже об изменении политического строя. На состоянии и благоустройстве поселка сказывается то, что он оказался в регионе, где быстрыми темпами развивается нефтегазовая промышленность. Вместо старых деревянных строений появились новые многоэтажные здания средней школы и поликлиники. На асфальтированных улицах полно автомашин, чего в наше время вовсе не было. Через речку Кондинку, где мы купались в жаркие летние дни, построен добротный пешеходный мост. Замечательно, что большинство квартир имеют удобства, о которых нам не приходилось и мечтать. Даже наш бывший дом на косогоре, построенный отцом с дедом, фотография которого случайно попала в книгу «Октябрьский район», оказался газифицирован.

Но вот что интересно, после смены политического строя в России, власть, словно раскаиваясь за все содеянное и грехи перед своим народом взялась за реставрацию монастырей и храмов и возвращает понемногу поруганные соборы Православной Церкви. Но у администрации Октябрьского руки до этого пока не дошли. Возведенную три с половиной века назад Свято-Троицкую церковь большевики не раз пытались взорвать, но только сильно ее повредили, службы в ней давно уже не проводятся.

Советская власть, проводя жесткую политику борьбы с религией, занималась уничтожением не только верующих, но и храмов. Верующим людям, высланным из различных губерний волостей России и Сибири, приходилось со смирением переносить утрату храма и тяготы своей незавидной судьбы. Что оставалось бедным христианам, оставшимся в живых,

где им было молиться и просить Божьей милости? Оставалось только одно – уходить в «подполье», а церковные службы проводились теперь в неказистых домах, подальше от глаз и ушей НКВД и многочисленных стукачей. Это были так называемые моленные избы.

Одним из таких домов, сохранившихся в моей детской памяти, был дом Дудиных, расположенный на правом берегу речки Кондинки, терраской ниже от дома, где проживает в настоящее время моя бывшая соученица Мария Александровна Королик (Шлыкова). Так вот, в той старой хибаре собирались тайно помолиться старушки, в том числе и моя бабушка Катя. В тогдашних условиях тотального энквэдэшного сыска и доносов было очень трудно отправлять самые простые христианские обряды, включая крещение детей.

В оставшихся целыми помещениях ликвидированной большевиками церкви чего только не было: и склады, и помещение для демонстрации кинофильмов и прочее. Но мерзости этим не закончились. По рассказам стариков, церковь попытались еще раз взорвать уже в шестидесятые годы. И, в довершение всего, «умные головы» нового поколения власть предержащих додумались разместить в ней местную телекомпанию. Какое святотатство и кощунство! Как это еще можно назвать?! Причем для своей «управы» администрация поселка построила особняк, каких здесь никто доселе не видывал. До покаяния ли тут и до прихожан с их нуждами и заботами? Так и стоит этот полуразрушенное историческое здание, ставшее памятником вандализму власти большевиков, а также непростительному безразличию и попустительству их преемников.

Правда, говорят, что существует проект передачи церкви местной епархии с последующей реставрацией и восстановлением древнего собора. Если это произойдет, то облик Октябрьского с возрожденной Белой Церковью сразу же станет неузнаваемым. Только, когда наступит этот счастливый день, когда еще вновь засверкают ее купола и прольется звон колоколов?

Происшедшие за последние годы изменения позволили районному центру Кондинск – Октябрьское обрести статус поселка городского типа. Удивительным кажется и то, что здесь, в сибирской глубинке, оказались теперь востребованы такие виды спорта, о каких в наше время мы и думать не могли. Чего стоит одно только сообщение о проведении отделом физической культуры и спорта местной администрации соревнований для водителей снегоходов «Буран-шоу» зимой, а летом – районных соревнований среди любителей воднолыжного спорта, которые, надо полагать, станут здесь традиционными. А какой экзотикой кажутся состязания по армрестлингу!

Да, этот поселок городского типа по-своему привлекателен, хотя совершенно утратил за четырехста лет свой прежний исторический облик.

Сороковые годы прошлого столетия кажутся недавними, но и за это время изменилось многое, включая занятия местных людей и образ их жизни. Помнится, здесь когда-то существовали всего лишь три больших улицы, получивших «идеологически выдержанные» названия: Советская, Ленина и Калинина. Только две улицы на окраинах почему-то сохранили «безыдейные» названия: Подгорная и Заречная. А дома на периферии поселка, такие как Половинка, эмтээсовские, рабзаводовские, а позже и сплав конторские, даже не были приписаны к улицам, а обозначались номерами по принадлежности к организации.

Исчез деревянный мост, без которого в ту давнюю пору во время половодий невозможно было пройти из центра поселка к МТС. Между домами тогда были уложены деревянные тротуары, однако в распутицу с одного тротуара на другой без добрых сапог невозможно было пройти. С бездорожьем покончено, хотя обустройство поселка продолжается: строятся новые дома, прокладываются дороги...

Казалось бы, что только могучая река Обь и ее тайга с урманами, раскинувшимися на берегах, не претерпели изменений. Но это не так. Из-за развала колхозного хозяйства исчезли кое-где небольшие прибрежные поселки, а благодаря развитию нефтегазовой

отрасли появились новые и разрослись некоторые старые. Освоение запасов углеводов сопровождается прокладкой многокилометровых трасс трубопроводов. К сожалению, от этого серьезно страдают фауна и флора этих мест, а тайга с ее рощами кедров-великанов поредела настолько, что нет надежды на то, что они когда-нибудь восстановятся в прежней красе.

После приезда мы решили отправиться на местный погост, где покоятся мои родные по линии семейства Симоновых – дедушка, бабушка и брат Саша. Когда мы здесь были с мамой, то обновили ограду, сделанную Володей Слободсковым и доставленную сюда из Приобья. Он же помог нам ее установить под могучим кедром, первым справа при подъеме на гору по лестнице. За неделю до нашего прибытия в Октябрьское, обратившись за помощью к сестре Володи – Руфине Александровне, заказали три креста на замену обветшавшим прежним.

Когда мы подняли на руки кресты и понесли их к дому Марии Александровны (старшей сестры Володи), произошел курьезный случай. Старушка, стоявшая на углу своего дома, увидев первый крест, осенила себя крестным знаменем, а с появлением второго, а затем и третьего креста, упала на колени, решив, что стала свидетельницей крестного хода, и не поднималась до тех пор, пока ей не объяснили, что здесь происходит. В конце концов, кресты были отнесены на кладбищенскую горку и поставлены на родных могилах. Не без помощи четырех сестер Слободсковых (Муси, Люси, Тани и Руфины) привели в порядок площадку с оградкой и обустроили последнее пристанище наших родных.

Росший внутри оградки кедр был посажен еще моей бабушкой, когда хоронили деда Александра. Этот малыш-кедренок, примерно мой ровесник, вымахав, превратился в могучее дерево с кроной, усыпанной светло-коричневыми шишками. Стоило нам появиться, как кедр сбросил под ноги несколько плодов. Обычно кедровые шишки созревают в конце августа – начале сентября. Стояли первые дни августа, и этот сюрприз трудно было бы объяснить жаркой погодой и соответственно ранним созреванием плодов. Какой бы ни была причина этого явления, тогда мы восприняли его как знак, поданный нам, живым, из мира ушедших: жизнь продолжается!

А на соседнем, через дорогу, дереве семейство бельчат устроило, как бы нарочно для нас, целое представление-карусель. Юркие зверьки стремглав носились по стволу дерева, то вверх, то вниз, словно взапуски, и не обращали никакого внимания на наше присутствие. Этим зверькам все было нипочем, они резвились и радовались жизни, казавшейся им прекрасной.

После завершения работ на кладбище мы решили искупаться в Оби. В такой жаркий день было невероятно приятно бултыхнуться в прохладные воды и отмахать саженками по речной глади, как когда-то в детстве. Было невероятно трогательно «вернуться к истокам» и пройтись по знакомым местам.

Мой брат Игорь Симонов, прибывший сюда из Москвы впервые, еще с борта «Метеора» не мог отвести глаз от красавицы Оби и смотрел на нее с восхищением, поражаясь ее полноводью и живописностью берегов. Ему было все интересно, ведь здесь прошла жизнь его бабушки и дедушки, юность отца, Виктора Александровича Симонова, окончившего девять классов Кондинской-Октябрьской школы в 1943 военном году и ушедшего со своими сверстниками защищать Родину. В свое время Виктор учился здесь вместе со старшими сестрами Слободсковыми – Катей и Марией Александровной Канатовой.

Побродив немного по центру поселка, мы отправились от дома Марии Александровны логом в сторону домов бывшей МТС. Здесь тоже кое-что изменилось. Вместо ветхих изб появились новые деревянные дома, но остались такие же дощатые тротуары, перекинутые через ручей. Справа открылась крутая гора, с которой мы с Володей Слободсковым не раз скатывались вниз зимой на лыжах. Потом у ее подножия поставил свой дом один из ссыльнопоселенцев, эстонец по фамилии Лухт, работавший в МТС. Многим он запомнился тем,

что на разработанном приболотном участке выращивал отменные урожаи овощей и ягод. Это был трудолюбивый человек, мастеровой, пользовавшийся уважением у всех работников МТС, куда его взяли по ходатайству моего отца.

Чуть в стороне от горы виднелся на косогоре наш старый дом, построенный в пятидесятые годы моим отцом и дедом. Он стоит на приметном бойком месте, благодаря чему попал на страницы прекрасно изданного цветного фотоальбома «Октябрьский район», экземпляр которого подарили мне сестры Слободсковы и которым я очень дорожу. После отъезда родителей наш дом перешел в управление коммунального хозяйства поселка. Там обосновались две семьи, поделившие его пополам и соорудившие с западной стороны пристройку в виде сеней. На подъеме из лога в углу участка стояла раньше наша баня, а с противоположной стороны на ровном месте – хлев для скотины и курятник. Мы не могли нарадоваться, когда въехали в только что построенный отцом дом. Это был первый дом на участке МТС, выделявшей для этого специальные ссуды своим рабочим. Был он в ту пору, как все, с печным отоплением, и воду носили из ручья, но выглядел просторным, и мы его любили. Прошло время и дом, оставшийся без хозяина при небрежных жильцах-постояльцах, несмотря на то, что к нему успели подвести газ, выглядел обветшавшим и умирающим.

Одолеваемые нахлынувшими воспоминаниями, зашли на усадьбу, заросшую диким бурьяном. Бани уже не было, наверное, пошла на дрова, а хлев и подворье сгнили. Молодая хозяйка, любезно позволившая взглянуть на наше бывшее хозяйство, объяснила, что они недавно купили этот приглянувшийся им дом вместе с участком и собираются на его месте построить новый для своей молодой семьи. Жизнь продолжается...

Ближним переулочком мы подошли к бывшему эмтэсовскому четырехквартирному дому. До постройки своего дома мы жили здесь, а по соседству жил мой добрый старый товарищ Гена Белим, отец которого Петр Филиппович, как и мой отец, работал в МТС главным механиком. Соседями по этому дому были у нас Николай Сергеевич Барышников и Иван Яковлевич Соскин. Тогда этот дом казался нам очень большим. Он сохранился, но как-то просел за семьдесят лет, стал невзрачным и неказистым. Что и говорить, возраст дает о себе знать.

В сопровождении сестер Слободсковых – Руфы и Тани, приехавшей из-под Красноярска, подошли к речке Кондинке, на берегу которой, на улице Заречной, стоял дом нашего общего с Игорем деда Александра. Но, увы, этого дома уже давно нет, речка, где я когда-то пытался научить курицу плавать, обмелела и превратилась в ручей, осталась одна только горка, на которой учил меня кататься на лыжах дядя Витя – отец моего двоюродного брата Игоря. Все это стало «преданиями минувшего века», и вернуться сюда можно только во сне или погрузившись в воспоминания...

Пару вечеров заняли радостные встречи с пятью (это надо же!) сестрами Слободсковыми, покоровшими нас своей добротой, заботливостью и душевностью, свойственными всему их большому семейству. За чашкой чая посидели со своими сверстниками и одноклассниками Машей Шлыковой, Васей Короликом, Юлией Шмигельской и Володей Алабышевым. В следующий раз мы увидимся через полгода на вечере встречи выпускников Октябрьской средней школы.

* * *

Получив приглашение из школы, стал потихоньку собираться в путь. Но в зимнее время дорога в Сибирь несколько отличается от летней. Зимой прямые авиарейсы из Санкт-Петербурга в аэропорты, расположенные недалеко от Октябряска, такие как Нягань, отменены. Как и на Ханты-Мансийск, все рейсы идут через Москву. Ничего не оставалось, как отправиться железной дорогой до Приобья с пересадкой в Екатеринбург.

Поездка оказалась не такой утомительной, как ожидалось, несмотря на еще одну пересадку в Екатеринбурге и ожидание там поезда, следующего до Приобья. Дорога в оба конца из Санкт-Петербурга в Октябрьское заняла пять с половиной суток. Но время в поезде, заполненное застольными беседами с попутчиками, чтением и остановками поезда в незнакомых местах, пролетело незаметно.

Но вот закончилась железная дорога, и начался зимник, по которому пассажиры из Приобья отправляются в Октябрьское автобусом повышенной проходимости. В автобусе, отправившемся точно по расписанию, не было ни одного свободного места. Хотя дорогу изрядно замело недавней метелью, автобус, переваливаясь с боку на бок, как судно по морским волнам, уверенно продвигался к месту назначения. Обычный городской автобус здесь бы не прошел. А этот, выполненный на базе «Урала» – самого популярного в Сибири и Заполярье вида автотранспорта, оказался наиболее подходящим для такого маршрута.

Вот мы пересекли замерзшую Обь по ледовой дороге, после чего наш «корабль» успешно одолел подъем в Андре и весело побежал к конечной своей остановке.

* * *

Украшенное снежным убранством Октябрьское встретило нас бодрящим морозцем около пятнадцати градусов. Вновь приятная встреча за чашкой чая с тремя сестрами Слободсковыми и Сергеем Пинягиным. Как со старыми добрыми знакомыми приятно было повидаться с Александром Ивановичем Сыченко и Алевтиной Тимофеевной, прибывшими из Тюмени. Оба они хорошо известны в Октябрьском, поскольку много лет проработали здесь в школе и на местном рыбозаводе.

А на следующее утро ударил тридцатиградусный мороз. Но в местном цветочном магазине живые цветы, так необходимые для предстоящей вечерней встречи, давно уже перестали быть дефицитом. Удивительно все-таки, как изменилась здесь жизнь! Вопреки сибирскому морозу цветы были свежими, как будто их только сегодня утром доставили сюда из теплых краев. Первой, кого я встретил, была Алевтина Тимофеевна Сыченко – инициатор и организатор мартовских встреч выпускников. Начало этой традиции было положено четверть века назад. Вместе с нею мы отправились в незнакомое нам новое здание школы.

Прошло столько лет – и вот разбехавшиеся во все концы страны выпускники после десяти, двадцати, тридцати, сорока, а то и пятидесяти лет, бросив дела и суету будней, собрались в этой школе, приехав из ближних и дальних мест. Эти молодые и седовласые люди, но все они полны желания встретиться со своей юностью, остановить на миг стремительный бег жизни, вспомнить старенькую деревянную школу, пионерские костры и лагерь на Серебрянке.

Следует отдать должное руководителю музея Октябрьской средней школы Андрею Слинкину. Этот молодой человек приложил много усилий, чтобы собрать столько выпускников и организовать великолепный праздник. Выпуск 1956 года представлен двумя классами. Из 10-го «А» класса нас оказалось двое: Мария Александровна Королик (Шлыкова) и я. К своей компании мы относим и присутствовавшую на встрече, учившуюся с нами с первого по седьмой класс Юлию Шмигельскую. Одноклассники рассказывают, что в прошлом году на встречу приезжал мой товарищ детства Боря Дудин, окончивший сельхозинститут и ставший кандидатом наук.

Параллельный 10-й «Б», классным руководителем которого была Алевтина Тимофеевна Сыченко, представлен пятью «девочками». Для Алевтины Тимофеевны это был первый выпуск в ее педагогической карьере.

Нас было немного на этой встрече, но связано это было не столько с равнодушием к прошлому, сколько со множеством неизбежных в наши годы житейских проблем и дорого-

визной билетов. Кроме меня, эту школу окончили моя сестра Валя и два родных брата. Один из них, Игорь, окончил школу с серебряной медалью и трудится сейчас в Кемерово. Младший брат Коля, классным руководителем которого также была Алевтина Тимофеевна, после школы поступил в Высшее инженерное морское училище имени адмирала С.О. Макарова и работал вместе со мной в Мурманском морском пароходстве. В районе Новой Земли произошел трагический несчастный случай, и мой брат погиб. Вечная память ему!

После построения по классам и торжественной линейки нам удалось посидеть за партами, вспомнить ушедших из жизни учителей, а затем состоялся импровизированный концерт с выступлениями участников встречи. Особенно в этом отличились выпускники 1966 года, где было два десятых и один одиннадцатый класс (класс нашего погибшего Коли, которого хорошо помнили одноклассники).

Выпускники этого года оказались самыми организованными и наиболее многочисленными. Они постоянно поддерживают связь со школой, а к этой встрече заранее подготовили литературный монтаж с фотографиями, рассказывающими об их сегодняшней жизни, сопровождавшийся песней «Как молоды мы были», исполненной одной из выпускниц этого класса по имени Ольга. Среди этих ребят я встретил трех летчиков, один из которых, Юрий Мальцев, командир пассажирского авиалайнера, живет в Тюмени. Они были соучениками моего младшего брата...

Замечательно выступили самые молодые участники концерта – воспитанники школьной студии художественной самодеятельности. Какие талантливые мальчики и девочки подрастают в Октябрьском!

Знакомые звуки мелодии школьного вальса означали, что вечер встреч и воспоминаний подошел к концу. А через год здесь снова соберутся выпускники Октябрьской средней школы. Хочется пожелать им и организаторам этого прекрасного праздника доброго здоровья, новых творческих успехов. Так держать!

Прощай, родная Кондинско-Октябрьская школа, мы уезжаем и надеемся навестить тебя снова, а пока остается только произнести: «До свидания, земляки!»

Встреча с земляками

Чувства, испытываемые в такие минуты, очевидно, хорошо знакомы каждому из нас. Они приобретают особую остроту после долгой разлуки с малой родиной, тем более что приехать сюда в 2008 году довелось уже по приглашению земляков.

Принимая во внимание летнюю пору и связанные с этим неизбежные проблемы с билетами, подготовкой к поездке я занялся еще в начале мая. Несмотря на заверения чиновников об успешной реализации мер по борьбе с инфляцией и сдерживанию цен, тут же выяснилось, что цены на авиа- и железнодорожные билеты за три года успели вырасти в два раза.

Три года назад в летний период авиарейсы в Ханты-Мансийский автономный округ с посадкой в Нягани и Ханты-Мансийске выполнялись из Санкт-Петербурга, при этом билет туда и обратно стоил в два раза дешевле. К 2008 году эти авиарейсы успели отменить, и добраться самолетом туда стало возможно только через Москву, а железнодорожным транспортом соответственно через Екатеринбург. Но с пересадкой в Екатеринбурге и многочасовым ожиданием там поезда на Приобье дорога занимает около недели. При коротком отпуске такой вариант показался мне неприемлемым. Ничего не оставалось, как отправиться в путь самолетом из Санкт-Петербурга до Москвы, а оттуда на Нягань, аэропорт которой находится в полусотне километров от Приобья, откуда до Октябрьского по реке уже рукой подать.

Вдохновителем и «куратором» моей новой поездки стала директор краеведческого музея Октябрьского Ольга Михайловна Журавлева. Она же рассказала мне по телефону в общих чертах о предстоящем мероприятии, проводящемся ежегодно силами местной администрации по случаю образования Октябрьского (бывшего Кондинского и Микояновского) района. Земляки готовились отметить 70-летие образования своего района, и я, как уроженец этого края, удостоился особой чести получить приглашение в качестве почетного гостя. Без лишних размышлений я принял это предложение.

Перелет прошел удачно, а пересадка в московском аэропорту Домодедово и ожидание рейса на Нягань заняли не более двух часов и немногим больше при возвращении из Сибири. Перелет до Москвы вообще прошел незаметно. В аэропорту Домодедово, несмотря на ночное время, было оживленно. Самолет Ту-134, вылетающий на Нягань, взял на борт всех пассажиров, стремящихся попасть в Сибирь скорейшим путем, включая меня. После трех часов полета наш авиалайнер благополучно, несмотря на свой уже преклонный возраст, пошел на посадку.

Перед этим с высоты птичьего полета можно было увидеть бескрайние лесные просторы, прореженные множеством голубоглазых озер и паутиной мелких речек с протоками, обязанными своей красотой и существованием Оби, разливающейся в период половодья до семи километров вширь.

Мой отец Дмитрий Сергеевич, высланный, когда он был еще совсем мальчишкой, со своей семьей «из Сибири в Сибирь» и побывавший не раз в этих местах, много рассказывал мне про Нягань, бывшую в те годы малым поселком. Но наступило иное время, приметами которого стала россыпь нефтедобывающих вышек. А на месте таежного поселка возник настоящий сибирский городок с современным аэропортом, связывающим жителей Октябрьского района с ближними и дальними концами России, не говоря уже о столице.

Когда мы вышли из самолета, после многочасового гула авиационных двигателей показалось, что вокруг стоит божественная тишина, нарушаемая только щебетом проснувшихся птиц. Несмотря на начало июля, утро выдалось прохладное, сказывался северный ветерок. Зал ожидания в аэропорту Нягань был почти пуст, хотя начиналась регистрация пассажиров, отправляющихся обратным рейсом на Москву.

Но вот появилась Ольга Михайловна, подкатившая на джипе администрации района. Эта замечательная и неумолимая женщина проявила столько заботы, что мне стало как-то неудобно от такого внимания. Ольга Михайловна поторопила нас со сборами, поскольку надо было успеть к отходу судна, отправляющемуся от пристани Приобья – поселка, ставшего конечным пунктом железнодорожной ветки от Екатеринбурга.

Для сибирского Приобья шоссейная дорога от аэропорта Нягань протяженностью около пятидесяти километров оказалась вполне сносной, не прошло и часа, как наш разговорчивый водитель Андрей высадил нас у речной пристани, где, покачиваясь на легкой волне, стоял быстроходный «Метеор», готовый сняться со швартовых и отправиться по расписанию к Октябрьскому и дальше до Ханты-Мансийска. Но оказалось, что нас дожидается другое судно – скоростной катер «Гваржедец», принадлежащий администрации и названный так в честь одного из руководителей Октябрьского района. Но вот незадача, катер застрял в очереди у единственной на все Приобье заправочной станции, обслуживающей весь местный автомобильный и речной транспорт. Странно было столкнуться с подобным явлением в краю, снабжающем газом и нефтью всю Россию. Позор, да и только!

Очень хотелось навестить во время этой поездки не только Октябрьское, но и те места, где родился и где прошло мое детство. И обязательно заглянуть на погост и поклониться могиле, где покоится мой дед Сергей Иванович, а заодно привести ее в порядок и поставить надгробную плиту, привезенную с собой из Санкт-Петербурга.

Время шло, наш «Гваржедец» по-прежнему ждал в очереди на заправку, а на «Метеоре», стоявшем «под парами» у пристани, начались последние приготовления к отходу. «Покондились» оценив ситуацию, Ольга Михайловна приняла решение отправить меня «Метеором», что позволило бы мне в тот же день посетить Заречное, добравшись туда через Малый Атлым. И вот уже «крылатый», приняв пассажиров, медленно отвалил от пирса пристани Приобья и, набирая ход, устремился по речной глади в направлении к Октябрьскому.

Интересно наблюдать с берега за этим летящим по воде чудным творением рук человеческих, но особое ощущение испытываешь, когда находишься на нем. «Метеор», как птица, проносится мимо берегов, оставляя за кормой пенистый след. На выходе из протока в Обь, что напротив Андры, на луговой ее стороне удалось бросить взгляд на место, где мы с отцом и матерью занимались покосом, памятное чудной рыбалкой и купанием после работы на песчаной косе. Все это было как будто совсем недавно, но, увы! – в далеком прошлом...

Не прошло и часа, наш быстроходный «Метеор» примчал нас в Октябрьск. Из-за непродолжительной стоянки – какие-то нескольких минут – на берег сойти не удалось даже для того, чтобы хотя бы поздороваться с встречающими меня друзьями. Торопится неумолимый «Метеор»! Коротко сибирское лето!

Еще час – и, оставив позади Октябрьск и Сотниково, наш «Метеор» аккуратно причалил к дебаркадеру Малый Атлым. Солнечный погожий полдень, меня встречает незнакомый, но очень приветливый человек. Похоже, что и здесь не обошлось без участия заботливой Ольги Михайловны.

Мой новый знакомый – Виктор Степанович Иваненко – глава местной администрации и хозяин пяти поселков, входящих в состав его территориального образования, с «управой», расположенной в Малом Атлыме. Он оказался великолепным собеседником и милейшим человеком. Вместе с ним прошли к зданию местной администрации, расположившейся на песчаном взгорье напротив пристани. Но, пожалуй, главной местной достопримечательностью здесь является деревянная церковь Преображения Господня, построенная в 1853 году. Сохранившемуся собору требуется капитальный ремонт с реставрацией, а для этого необходимы немалые средства. Трудновато будет отыскать такие деньги и спонсоров ревнителям старины и благочестия, не говоря уже о главе администрации, отвечающему здесь за все и вся. Остается только надеяться, что на помощь им придет местная епархия.

Путешествие из Санкт-Петербурга продолжалось уже более полусуток, и меня стал одолевать голод. На предложение перекусить Виктор Степанович откликнулся встречным, заявив, что «ресторация» состоится в Заречном, куда мы вскоре отправимся.

* * *

От Малого Атлыма (Матлыма) до поселка Заречного около трех с половиной километров, и катер Виктора Степановича преодолел это расстояние за каких-то пять минут. В годы моего детства летом, при умеренном подъеме воды, мы ходили в Матлым по песчаной косе, соединяющей его с Заречным. Сейчас, в начале июля, песчаная коса скрывалась под водой, а водная поверхность реки Оби соединялась с заливом, который местные жители зовут сором и через который они на своих моторных лодках добираются в поселок Комсомольский, расположенный в глубине залива, окруженного тайгой.

Катер, ловко управляемый Виктором Степановичем, словно влетел в знакомую красивую таежную речку Зареченку, отделяющую старый поселок от нового; они соединены недавно добротным пешеходным мостом. Пройдя на катере под пролетом моста, остановились в тихой бухточке острова, где находился дом моего нового знакомого.

Нас радушно встретила супруга Виктора Степановича, сибирское гостеприимство и здесь явилось во всей красе – стол ломился от яств, которым могли бы позавидовать посетители столичных ресторанов.

Возвращаться из Заречного предстояло на следующий день, поскольку «Метеор» из Ханты-Мансийска на Октябрьское отходил по расписанию из Малого Атлыма в одиннадцать часов. До этого надо было успеть посетить погост и поклониться могиле деда Сергея Ивановича – есаула сибирского казачьего войска. Где находится его могила, я не знал, так как не был на его похоронах. Место захоронения могли показать только мои детские друзья Женя Плотников и Веня Карнаухов. По словам Виктора Степановича, они все еще жили здесь, хотя по прошествии стольких лет я их могу и не узнать. Перед тем как отправиться на встречу с ними, Виктор Степанович еще раз осведомился о моем возрасте. Наверное, у него возникли сомнения, являются ли эти ребята моими сверстниками. Сомнения, быть может, естественные при моей капитанской выправке, хотя они старше меня на год-два.

Действительно, без помощи Виктора Степановича я бы не узнал своих прежних друзей. Годы наложили свою печать на всех нас. Побыв немного с нами, Виктор Степанович оставил меня на попечение «аборигенов» и удалился по своим служебным заботам.

Дома, где жил мой дед Сергей и где я провел ранние детские годы, уже не было. От него осталась какая-то четверть, в которой обосновался мой прежний товарищ по детским играм, а ныне обладатель окладистой бороды дед Вениамин. Когда-то здесь стоял и наш дом. Помещалось в нем пять семей колхозников, и он казался мне тогда огромным. Сейчас дом врос в землю по самые окна, и его с трудом можно было узнать. Сколько воспоминаний связано с ним, сколько трагических судеб людей, ставших по чужой воле нашими соседями. Большинство из них были незаконно репрессированы и сосланы сюда, на Обской Север по указам «отца народов» Сталина. Часть этих невинных людей расстреляли в конце тридцатых годов, другие ушли в вечность в лихую военную годину, а чудом уцелевшие, такие как мой дед Сергей, давно уже покоятся на здешнем кладбище.

Могила деда отыскалась легко, и надо сказать, что она находилась в удовлетворительном состоянии благодаря заботам Вениамина, мать которого покоилась рядом. Все, что требовалось для приведения в порядок могилы деда, было тут же оговорено с Виктором Степановичем. Позже он позвонил мне в Питер и сообщил, что выполнил надлежащим образом свое обещание. Что значит слово сибиряка! Как я ему благодарен за это.

После посещения кладбища прошлись по старому поселку, от которого, надо сказать, мало чего осталось. Исчезла окруженная садом старая деревянная семилетняя школа. Рядом с ней, здесь же на площади, стоял когда-то большой детский дом, в котором нашли приют в лихие военные годы дети, вывезенные из блокадного Ленинграда, оставшиеся без родителей. Здание детдома находилось на одной стороне площади, а наш дом на другой, и мы запросто общались друг с другом. Многие маленькие ленинградцы окончили потом местную семилетнюю школу и разъехались. Где теперь они, эти «смирненные» дети, как их называла моя бабушка Тася?

Хочется верить, что большинству удалось вернуться в родной Ленинград, а остальным устроить жизнь по своему разумению. Помнится, к бабушке Тасе часто приходила девочка Катя, помогавшая ей в домашних делах и считавшаяся своей в нашем доме. После окончания местной семилетней школы она поступила в Тобольский техникум рыбной промышленности, какое-то время переписывалась с бабушкой, по словам которой Катя после окончания техникума получила направление на работу на Дальнем Востоке.

Исчез колхоз в Заречном, закрылась промартель, заросли сорняком запущенные посевные площади, остановился кирпичный завод, снабжавший весь район строительным материалом отменного качества. Не осталось и следа от корпуса фермы, где держали многочисленный крупный рогатый скот. Поросли бурьяном развалины конюшни, кузницы и колхозной бани. Оставшееся население вынуждено заниматься кто чем может – кормиться со своего подсобного хозяйства, ловить рыбу и собирать дикоросы в сибирской тайге.

Стоял тихий июльский день, хотя особого летнего тепла уже не ощущалось. С друзьями детства вышли к нашей красавице речке Зареченке, где в летнюю жаркую пору пропадали с утра до вечера, днями не вылезая из воды. Ничто не напоминало о том, что где-то здесь на берегу стояла наша банька, в которой мы парились с дедом, бросаясь в речную воду после парной. В лучах солнца на песчаной отмели, где мы купались в детстве, вошло в воду стадо лошадей с целым выводком жеребят, принадлежащее, наверное, какому-то местному предпринимателю. Жеребята резвились как дети, не отходя далеко от маток. Но самый приятный сюрприз ожидал нас на том месте, где мы обычно после купания разводили костерок. Здесь, на речном мысу, у нового моста, нас встретил знакомый великолепный, раскидистый кедр, радовавший нас своими плодами в те незапамятные годы. В полном одиночестве стоял он на берегу реки, величаво раскинув крону, как бы гордясь своей красотой. Мимо такого места невозможно было пройти спокойно, и я не смог удержаться от того, чтобы не запечатлеть такую красоту хотя бы камерой мобильного телефона. Листая позже подаренную мне земляками роскошно изданную книгу «Времена Коды», я обнаружил на ее страницах фотографию этого приметного дерева. Видно, не одного меня очаровал этот кедр своей красотой.

Строго придерживаясь регламента моего «официального визита» в Заречное, Виктор Степанович, удостоившийся у земляков почетного титула «вождя краснокожих», любезно доставил меня на своим быстроходном катере в Матлым.

Ожидая на дебаркадере прибытия «Метеора», я вспомнил еще один эпизод из детства. Добравшись до Матлыма на весельной лодке из Заречного, мы так же, как я сейчас, ждали прибытия парохода. Тогда здесь не было дебаркадера, а из-за мелководья пассажиров на борт парохода подвозили на лодках. То же самое предстояло выполнить отцу и деду, чтобы высадить нас с мамой и сестрой. Все это происходило в опасной близости от вращающегося гребного колеса парохода. Это была весьма трудная и даже опасная операция, завершившаяся, по счастью, успешно, так что мы спокойно отправились дальше в Кондинск. Представить сейчас такую жуткую посадку женщин с детьми на борт судна просто невозможно.

Давно уже ушли в мир иной мои дорогие дедушки и бабушки с моими родителями, вечная память им! У меня самого подрастают внуки, которые, быть может, вспомнят когда-то мои рассказы о прошлом и об этой поездке в Сибирь.

Прибытие «Метеора» и объявление о посадке оторвали меня от воспоминаний. Подружески распрощавшись с нами, Виктор Степанович вернулся к своим многочисленным заботам. Остались за кормой «Метеора» милое сердцу Заречное и Подгорное, где когда-то существовал поселок с крепким колхозом, от которого сейчас осталось одно только название. Печальное зрелище, ставшее привычным для «новой России», где подобная судьба постигла уже множество деревень.

Через час я снова оказался в Октябрьском, где последний раз был позапрошлой зимой.

* * *

Четыре стройные ели, знакомые с детства, по-прежнему дежурят на высоком берегу речной пристани Октябрьского, встречая гостей, поднимающихся с берега по крутой деревянной лестнице, и провожая отъезжающих. Можно представить, какие обские дали открываются с их вершин и сколько им довелось повидать на своем веку. Судя по толщине и высоте стволов, им довелось быть свидетелями похода дружины Ермака, присоединившего к России разрозненные племена Сибирского ханства, и возведения собора Свято-Троицкой церкви на древней Кодской земле, а затем устоять под натиском буйных ветров эпохи большевизма.

Заботливая администрация района не без участия неугомонной Ольги Михайловны забронировала для меня номер в новой гостинице. Ничего подобного раньше в наших местах не существовало.

В гостинице, похоже, я оказался одним из первых постояльцев. Здание было совершенно новым, кое-где завершались отделочные работы. Пахло свежей краской, но в коридоре второго этажа уже были разостланы ковровые дорожки. Одноместный номер, где я поселился, оказался уютным, а его оборудование в полном мере отвечало запросам времени. Я без труда связался по телефону с Санкт-Петербургом, поделился с женой Галиной впечатлениями о перипетиях моего двухдневного путешествия в родные пенаты и сообщил новый номер мобильного телефона.

Из окна гостиничного номера открывался вид на бескрайние таежные дали – леса, куда мы в школьные годы ходили на охоту и промысел дикоросов. Надо полагать, что эти занятия не забыты местным населением. Да и как к ним не пристраститься, если рядом такая богатая лесная кладовая. На взгорье хорошо виден старый дом, построенный моим отцом Дмитрием Сергеевичем и дедом Сергеем. Хочется непременно посетить его еще раз до отъезда...

Включив телевизор, услышал анонс программы местного телевидения на завтра: как выяснилось, в Октябрьском должен состояться праздник, посвященный годовщине образования района (бывшего Кондинского и Микояновского). К этому событию приурочен фестиваль художественной самодеятельности коллективов народного творчества района. Еще по дороге к гостинице, я обратил внимание на праздничное убранство центральной части поселка. На берегу, неподалеку от полуразрушенной в большевистское время старинной Свято-Троицкой церкви, устанавливалась эстрада для участников будущего яркого представления, на которое ожидалось прибытие многочисленных зрителей из Октябрьского и гостей из других поселков района. Но все это будет только завтра.

Напившись чаю, я позвонил Ольге Михайловне, сообщил о своем прибытии и намерении забрать чемоданчик, оставленный ей на попечительство при отъезде из Приобья. Ольга Михайловна предложила встретиться в местном краеведческом музее, где я узнал, что прямо отсюда нам предстоит отправиться в студию местного телецентра. Такой поворот дел застал меня врасплох, но отказаться было уже невозможно, да и интересно было испытать себя в новой роли.

Телеведущей оказалась энергичная девушка Наташа. Похоже, что она заготовила для меня огромный перечень вопросов, на которые волей-неволей придется отвечать. Оказавшись в лучах света мощных софитов под прицелом безжалостной телекамеры, я поначалу почувствовал себя неуверенно, несмотря на то, что все это происходило в сибирской глубинке. Но, собравшись с мыслями, я быстро решил, что самое главное вести себя естественно, не смущаясь и не рисуясь перед публикой.

Телеинтервью состоялось, и несколько позже мне даже удалось посмотреть его запись, присланную друзьями из Сибири. Кажется, получилось не так уж плохо, во всяком случае лучше, чем мне поначалу показалось, и удачнее, чем мои предыдущие опыты. А может быть, участие режиссера-оператора помогло избавиться от некоторых огрехов.

По дороге из студии успел прочитать сообщение о том, что завтра, во время праздничных мероприятий, в конференц-зале администрации Октябрьского состоится презентация моей будущей книги.

Надо же!

Наступил праздничный день. Директор местного музея представил меня сотрудникам районной администрации, включая Андрея Кирилловича Киприянова – главу района, этот человек произвел на меня хорошее впечатление своей эрудицией. Познакомившись, мы отправились на презентацию. К моему удивлению, в конференц-зале было полно людей.

Среди собравшихся оказалось довольно много знакомых лиц. Кроме товарищей по школе в первом ряду зала обнаружил трех сестер многочисленного семейства Слободских: Руфину, Тамару и старшую – Марию Александровну. По случаю праздника они нарядились в нарядные национальные (зырянские) костюмы, изготовленные умелыми руками Марии Александровны.

После вступительного слова главы администрации выступила директор краеведческого музея Ольга Михайловна Журавлева. Она сообщила, что моя книга «От Оби к "Оби"» уже почти готова к изданию, существует в виде оригинал-макета и несомненно представляет интерес для моих земляков. При этом Ольга Михайловна отметила, что фрагменты книги уже публиковались в местной газете «Октябрьские вести».

Надо отметить, что презентации оригинал-макета будущей книги предшествовала большая подготовительная работа, в которой приняли участие представители местной творческой интеллигенции во главе с директором краеведческого музея, которым, пользуясь случаем, еще раз хочу от всего сердца выразить свою признательность. Рассказ о каждой главе книги сопровождался музыкой и отлично подготовленным видеорядом, в котором использовались фотографии, взятые из нашего семейного архива. Мне же помимо комментариев к тексту досталось отвечать на многочисленные вопросы своих земляков и будущих читателей.

Вспомнилось, как мне довелось однажды выступать в канадском Центре арктических исследований университета Мак-Гилла в Монреале с научным докладом на английском языке по теме своей диссертации. Тогда после часового выступления, не покидая трибуны, мне также пришлось отвечать на вопросы, заинтересовавшие аудиторию. Но те вопросы имели профессиональный характер, хотя, не скрою, пришлось попотеть. Нечто подобное происходило и теперь на презентации моей будущей книги.

После выступления и раздачи автографов я с благодарностью принял из рук главы администрации – Андрея Кирилловича Киприянова – две великолепные книги о своей малой родине: «Времена Коды» и «Обские дали». В последней я нашел фотографию знакомого лица и упоминание о моем дорогом отце Дмитрие Сергеевиче, проработавшем 25 лет на районной Машинотракторной станции с момента ее создания до расформирования. Для меня эти книги стали большим и ценным подарком, напоминающим о трогательной встрече с зем-

ляками. Воспоминаниям об этой поездке оказались созвучны волнующие сердце строки из стихотворения Альбины Петровны Белим, сестры моего товарища школьных лет Геннадия:

Видю себя уже издали – как эти дни далеки!
Где-то у маленькой пристани северной милой Оби.
Вот у обрыва песчаного заводь – по контурам – лось.
Словно родиться мне заново в этих краях довелось.

Вот и туман, застилающий низких лугов окоем,
Вот и закат догорающий в сердце вечернем моем.
Кедров смолистых дыхание, берег, стрекозы и зной,
Даже в минуты прощания вы остаетесь со мной.

Глава 2 Училище

*О, сколько нам открытий чудных
Готовят просвещения дух
И опыт, сын ошибок трудных,
И гений, парадоксов друг,
И случай, бог изобретатель.*

А. С. Пушкин

Первокурсники

Пришло время, и мы отправились поступать в Ленинградское мореходное училище Министерства морского флота.

Немного об его истории. Еще продолжалась война, но в марте 1945 года Государственный комитет обороны в целях улучшения подготовки комсостава Минморфлота принял решение о реорганизации морского образования. И в июле 1945 года на основании этого постановления было образовано Ленинградское мореходное училище Министерства морского флота (ЛМУ ММФ), являющееся по существу закрытым учебным заведением, на которое возлагалась задача подготовки культурных и высококвалифицированных командиров, при этом курсанты училища находились на полном государственном обеспечении. До 1955 года здесь существовала академия подготовки руководящих работников ММФ. Бурно растущий морской торговый флот остро нуждался в кадрах. Строился большой современный флот, для которого были необходимы грамотные специалисты на смену тем кадрам, которые в послевоенный период готовились на ускоренных курсах при пароходствах.

Здание училища впечатляло размерами, оно было построено по проекту архитекторов К.М. Дмитриева и Н.Ф. Демкова в 1933 году, выглядело современным для того периода и предназначалось для школы; позже здесь разместился морской техникум. Интересно отметить оригинальность этого здания – его контуры с воздуха напоминали очертания самолета. Войдя в него с улицы, вы попадали в прекрасный вестибюль с колоннами. В него спускались четыре лестницы: две из них вели в жилые помещения, а боковые – в учебные. На проходной училища несла вахтенная служба, в состав которой входили: дежурный офицер со своим помощником, а также вахтенный и рассыльный. Вся вахта, за исключением дежурного, назначалась из числа курсантов училища, при этом помощник дежурного назначался из числа старшекурсников.

В училище готовили специалистов для ММФ по двум специальностям: судоводителей и связистов. Поскольку курсанты проходили курс военно-морской подготовки, выпускники нередко оставались на службе в Военно-морском флоте. После закрытия академии училище стало располагать дополнительными помещениями для курсантских кубриков, расположенных в одном крыле здания. Учебные классы с лабораториями располагались в двух других крыльях. В этом же здании находился большой актовый зал для демонстрации кинофильмов, проведения концертов художественной самодеятельности и вечеров отдыха курсантов. Здесь размещалась и библиотека. На первом этаже располагались большая столовая для курсантов с камбузом и буфетом для офицерского и преподавательского состава, а внизу, налево от вестибюля, – административные помещения. Кстати, здесь же имелась мастерская по

ремонт обуви и одежды. В училище были свой спортзал и водная база, устроенная на левом берегу Невы рядом с проспектом Обуховской обороны, строился стадион...

Начальником училища в то время был капитан 1 ранга Федор Михайлович Арский, позже его сменил Виктор Семенович Ковальчук. Начальниками судоводительского и радиотехнического отделений были соответственно И.И. Катин и В.А. Писарев. На каждом отделении обучалось по четыре роты, которыми командовали офицеры ВМФ. Последние подчинялись начальнику организационно-строевого отдела училища, в то время эту должность занимал М.К. Войтов. Педагогический состав училища отличался исключительно высокой квалификацией.

В училище раньше принимали юношей после седьмого класса, но с 1954 года стали принимать только окончивших десять классов. Для желающих поступить в училище были открыты подготовительные курсы, посещать которые могли проживающие в городе. На эти курсы шли в основном те, кто отслужил в армии, а также работавшие на буксирах Портового флота и в других организациях города. Приехавшие перед вступительными экзаменами юноши из других районов страны размещались, как абитуриенты, в общежитии училища, расположенном на последнем этаже в полукруглом помещении, из-за своей формы именовавшемся курсантами «колбасой». Для допуска к экзаменам все поступающие должны были пройти медицинскую комиссию при училище.

Кроме подготовки к экзаменам нас, абитуриентов, привлекали к разным хозяйственным работам при училище и строительству училищного стадиона. На то время это было, пожалуй, единственное училище в городе у которого был свой, пусть еще недостроенный стадион. А рабочей силой эту стройку обеспечивали курсанты и частично мы – абитуриенты, проживающие в общежитии, поэтому нас сразу поставили на довольствие в курсантской столовой. Так что процесс подготовки к экзаменам удачно совмещался со строительными работами. В процессе совместной работы иногородние мальчишки быстро подружились, а это помогало формированию дружного коллектива, объединенного общей мечтой о море и дальних океанских плаваниях. В свободное время будущие курсанты знакомились с достопримечательностями великого города.

Вступительные экзамены в училище, поскольку оно являлось средним техническим учебным заведением, состояли из сочинения по русскому языку и экзамена по математике устно и письменно. Для некоторых из нас, имевших уже определенный опыт и готовившихся дома, сдать вступительные экзамены, набрав при этом пятнадцать баллов, не составило особого труда. Сказывался опыт!

Итак, мы, успевшие подружиться – Женя Филичев, Володя Жданов, Слава Бобович и я – стали курсантами, и нас ожидало теперь впереди много интересного. Почему мы поступили сюда, а не в высшее училище? По-мальчишески мы рассуждали следующим образом: во-первых, в высшем надо было учиться почти в два раза дольше; во-вторых, в этом училище имелось парусное учебное судно, шхуна «Кодор», совершавшее дальние заграничные плавания. Подобного судна в высшем училище не было. И, в-третьих, после окончания мы могли получить такой же рабочий диплом штурмана дальнего плавания. Несколько позже наши взгляды изменились, но это произошло потом, когда мы уже обрели опыт работы в качестве штурманов.

Из поступивших на судоводительское отделение курсантов была сформирована рота численностью около 95 человек, командиром которой был назначен капитан 2-го ранга Анатолий Григорьевич Быковцев – замечательный педагог, быстро завоевавший у нас уважение и авторитет. Он в то время учился в Военно-морской академии и через пару лет после ее окончания был переведен по службе на Дальний Восток. Мы очень сожалели, оставшись без такого заботливого «отца». Позже к нам командиром роты назначили капитана 3 ранга М.Г. Костина. Рота состояла из трех взводов, по два отделения в каждом. Старшиной роты и

помощником старшины назначались курсанты, прошедшие службу в армии, а командирами взводов и командирами отделений – успевшие проявить себя курсанты.

Распорядок дня в училище был следующий. Подъем в семь часов утра, после чего мы отправлялись на зарядку, убирали постели, а затем после туалета уходили на завтрак, вслед за которым проводилась утренняя поверка перед занятиями, продолжавшимися с 9:00 до 15:00. В это время делался перерыв на обед, а далее начиналась самоподготовка, продолжавшаяся до ужина в 18:00. Прием пищи производился в столовой по-ротно, чтобы исключить толкотню и суету.

Каждый день перед ужином в вестибюле училища проводился развод курсантов – от каждой роты назначались дежурные по камбузу, столовой и другим объектам. Кроме того, на плацу училища проводились строевые занятия. Вечером начинались занятия в спортивных секциях и в курсантской художественной самодеятельности, довольно хорошо поставленной в училище. Так проходила рабочая неделя, завершаясь увольнением в город в субботу вечером и в воскресенье. Курсанты, семьи которых проживали в городе, могли увольняться с вечера субботы и до утра понедельника. Это в основном относилось к тем, кто успел обзавестись семьями, так называемым женатикам.

Юрий Утусиков – курсант Ленинградского мореходного училища Министерства морского флота

В училище по понятным причинам уделялось повышенное внимание изучению иностранного языка. Языком общения моряков всего мира и по сей день является английский. Распределение курсантов по группам осуществлялось по следующему принципу: в первый

взвод попали те, кто изучал в школе английский язык; во второй – немецкий, а в третий – все остальные. Каждый из взводов дополнительно разбили на две подгруппы с тем, чтобы преподаватель мог уделять больше внимания каждому курсанту.

Мне посчастливилось после немецкого изучать азы английского языка у нашего преподавателя Александры Васильевны Грудинки. У других моих одноклассников занятия вела В.Т. Кутузова. Но скажу, не умаляя достоинств других наших уважаемых преподавателей английского языка, что наша «Шурочка», как мы любовно и ласково звали Александру Васильевну, была прекрасным педагогом и обладала большой языковой практикой, поскольку длительное время работала в США. Она была требовательным преподавателем и в то же время терпеливо относилась к тем, кому язык давался с трудом. Она имела индивидуальный подход к каждому из курсантов – и тем, кто уже немного знал английский, и тем, кто начал изучать его с нуля. Разумеется, как и везде, без усидчивости, тем более в сжатые сроки, язык не одолеешь. Приходилось корпеть над заданиями, пользуясь единственным скромным пособием, изданным в училище. Теперь возможности изучения иностранных языков настолько велики, что незнание хотя бы одного выглядит просто неприличным.

К концу второго семестра наиболее прилежные из нас уже могли принять участие в импровизированном конкурсе среди однокурсников, демонстрируя неплохие знания языка. Я и сейчас храню, как дорогой сувенир, разговорник английского языка, полученный из рук нашей дорогой Александры Васильевны. Полученные у нее знания позволили нам в дальнейшем совершенствовать свои языковые навыки во время морской практики и в ходе нашей дальнейшей службы на флоте.

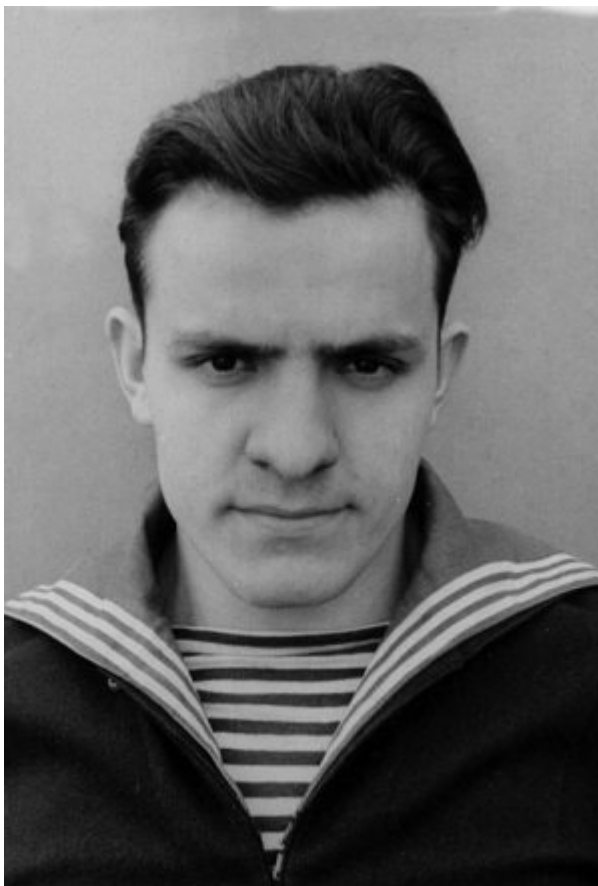
В программе подготовки будущих мореходов было довольно много технических дисциплин, знание которых необходимо для эксплуатации морских судов. Мы с большим интересом слушали лекции преподавателей, имевших большой опыт работы на морском флоте. Они часто увлекательно приводили интересные примеры из своей практики и рассказывали об этом порой с большим юмором, что только шло на пользу учебе. Среди таких преподавателей стоит упомянуть Белана, читавшего нам лекции по теории устройства судна, и Владимира Ивановича Суворова с кафедры судовых силовых установок. Последний считался одним из самых опытных старших механиков Балтийского морского пароходства и дело свое знал не понаслышке. Владимир Иванович был высоко эрудированным инженером, умел найти контакт с любым курсантом и очень доступно излагал любые сложные вопросы своей дисциплины. Он принадлежал к первому послевоенному выпуску АВИМУ имени адмирала С.О. Макарова и прошел путь от моториста до старшего инженер-механика, а о флотской службе мог рассказывать часами. Обладая превосходным чувством юмора, Владимир Иванович, частенько обращавшийся к примерам из своего опыта работы на море, читал лекции настолько увлекательно, что мог завоевать внимание любой аудитории. Он мог мягко посмеяться над своими коллегами-механиками, но не забывал «пройтись» по судоводителям и капитанам (с некоторыми из них нам еще предстояло встретиться в будущем). Он учил нас на наглядных примерах, как устанавливать деловые контакты с механиками и, особенно, со старшим механиком, и как при случае следует взыскивать за их «дела».

Другим не менее интересным преподавателем был обучавший нас азам морской науки известный на Балтике капитан дальнего плавания Виктор Андреевич Шмидт, эрудированный и интеллигентный человек с привлекательной внешностью, одевавшийся с большим вкусом. Костюм на нем сидел, как говорится, с иголочки.

В нашем представлении, да и, наверное, для всех курсантов училища Виктор Андреевич был образцом настоящего капитана дальнего плавания.

Как бы хотелось пожелать капитанам нового поколения, подзабывшим морские традиции и свои обязанности воспитателей и наставников молодежи, следовать таким примерам.

Увы, после развала морской державы и пресловутой «прихватизации», нет уже прежнего флота и его школы! Такие вот настали времена.

Наш старшина Толя Гурьянов

Но возвратимся к Виктору Андреевичу. Он в свое время плавал на разных судах. Довелось ему быть капитаном и на учебных парусных судах, таких как «Сириус» и «Кодор», где курсанты училищ проходили морскую практику. Морское дело, как и положено специалисту с большой буквы, он знал превосходно. Лекции его отличались обстоятельностью, увлекательностью и доходчивостью. Со всей строгостью требовал он от нас серьезного отношения к своей специальности, неустанно повторяя, что море не прощает халатности и ошибок судоводителей, а капитана, несущего ответственность за экипаж, груз и корабль в целом, – в особенности. Мы его уважали, но в то же время побаивались его взыскательности, догадываясь, что на капитанском мостике он, наверное, был еще более требовательным.

Несколько слов о нашем досуге и вечерах отдыха в училище.

О последних можно было заблаговременно узнать, прочитав афишу клуба или объявление комитета комсомола училища, возглавлявшегося секретарем этой организации, недавним выпускником Олегом Широковым. Курсантский клуб овальной формы с большим фойе находился на третьем этаже, а по стилю напоминал советские кинотеатры. Его директор очень трепетно относился к проводившимся у него мероприятиям.

В клубе часто проходили концерты художественной самодеятельности курсантов, выступали приглашенные артисты, демонстрировались кинофильмы и устраивались курсантские балы. Последние пользовались исключительной популярностью у девушек города, особенно у подружек курсантов, живших в Невском районе, где находилось наше училище. Каждый курсант мог получить пригласительный билет для своих знакомых. Они раздава-

лись заранее, чтобы можно было уведомить приглашенных на вечера отдыха, проводившиеся обычно по субботам. Иногда такие билеты передавались адресату через проживающих рядом друзей.

После окончания занятий помещения училища приводились в порядок, паркетные полы (палубы) коридоров и клуба с фойе натирались мастикой и тщательно надраивались до блеска. В зале клуба играл курсантский или приглашенный оркестр. Девушек курсанты встречали в вестибюле с колоннадой, куда они проходили, минуя контрольно-пропускной пункт (КПП) училища. Курсанты выглядели по-праздничному: отглаженная форма с надраенными ботинками и сверкающей пряжкой флотского ремня, свежая морская тельняшка с безупречным гюйсом (воротник форменки), а в особых случаях еще и в белых перчатках. Конечно же, все это нравилось нашим гостям. У подъезда училища всегда можно было встретить тех, кому хотелось бы попасть на вечер и познакомиться с кем-нибудь из будущих мореходов. Обычно этим девушкам удавалось осуществить свою мечту – у входа возникал молодой красавец, обладатель пригласительного билета, и увлекал «золушку» за собой на сказочный бал.

Мой друг и одноклассник Володя Жданов

Особенно притягательными были наши красочные новогодние балы. Большая новогодняя елка стояла в мраморном вестибюле, вокруг которой вальсировали будущие капитаны и радисты со своими дамами и приглашенными подружками. Так начинались знакомства, нередко переходившие в более интимные отношения молодых людей, которые, надо полагать, в большинстве случаев завершались свадьбой.

На Первомайских и Октябрьских праздниках курсанты училища всегда возглавляли колонну демонстрантов Невского района города.

Как уже говорилось, организация занятий спортом в училище была на высоком уровне, поскольку у нас имелись свой стадион, база плавсредств на Неве, а чуть позже появился и свой плавательный бассейн. Во время занятий можно было иногда встретить на нашем стадионе олимпийского чемпиона в беге на 10 000 метров В. Цимбалюка, приходившего на тренировки. Сборная команда училища по водному поло «Водник ЛМУ» под руководством тренера Михаила Семеновича Рейзена постоянно выступала на первенстве Союза, занимая призовые места. В составе команды были наши одноклассники – Коля Степанов, Олег Павлов и другие.

Крейсер «Адмирал Макаров»

Успешно выступала на первенстве города и состязаниях учебных заведений и команда волейболистов. В ней играли курсанты Генрих Леонидович Ситкевич (будущий начальник училища) вместе с начальником радиотехнического отделения Виктором Писаревым. Не менее высоких результатов добивалась команда баскетболистов, в составе которой играли Юра Бычков, братья Олег и Слава Калинины.

Руководил занятиями физкультурой и спортом в училище Николай Николаевич Боговец, а легкой атлетикой и лыжным спортом – Анатолий Степанович Заблоцкий, призер традиционного многокилометрового забега «Дворцовая площадь – Пушкин». Сразу же после нашего поступления в училище он занялся с нами осенними кроссами, а с появлением снега – лыжной подготовкой. Наиболее сильными лыжниками в команде оказались курсанты радиотехнического отделения, дольше нас обучавшиеся в училище. Среди них мне запомнились Женя Ковалев, Слава Лукин, Слава Вербицкий. Выступать с ними, побеждая на всех дистанциях лыжных гонок, было одно удовольствие. Кроме меня из «судоводов», как называли курсантов судоводительского отделения, в состав команды вошли мои друзья из нашей роты Женя Филичев, Боря Телегин и Володя Жданов. Тренировочные сборы и гонки проходили под Ленинградом в Кавголово или Токсово. Однако иногда в разгар больших соревнований нам, курсантам судоводительского отделения, приходилось уходить в плавание, поскольку начинался период продолжительной морской практики.

На втором курсе училища нам довелось пройти стажировку в качестве матросов на кораблях ВМФ. Сразу после очередных гонок в Подмосковье я с товарищами по команде был направлен в Кронштадт на крейсер «Адмирал Макаров», где уже находились наши курсанты. Во время войны этот немецкий крейсер именовался «Нюрнбергом», а СССР достался после капитуляции Германии в счет репараций. Эта стажировка показалась нам, спортсменам, короткой и не связанной с какими-либо трудностями. С таким явлением, как дедовщина на флоте, да и в армии, мы не то что не сталкивались, но даже не слышали о нем.

Под парусом

Еще до поступления в училище мы были много наслышаны об удивительных походах нашего учебного парусного судна – шхуны «Кодор». Рассказы курсантов старших курсов об этих плаваниях вызывали у нас романтические мечты о дальних странствиях по неизвестным нам пока морям и океанам. Мы с нетерпением ожидали экзаменационной сессии и окончания первого курса. Сразу после экзаменов начались последние приготовления к морской практике, но оставался нерешенным главный вопрос – получение визы, дающей право на выезд за границу. Далеко не всем членам нашего морского братства суждено было отправиться в дальнейшее заграничное плавание после первого курса.

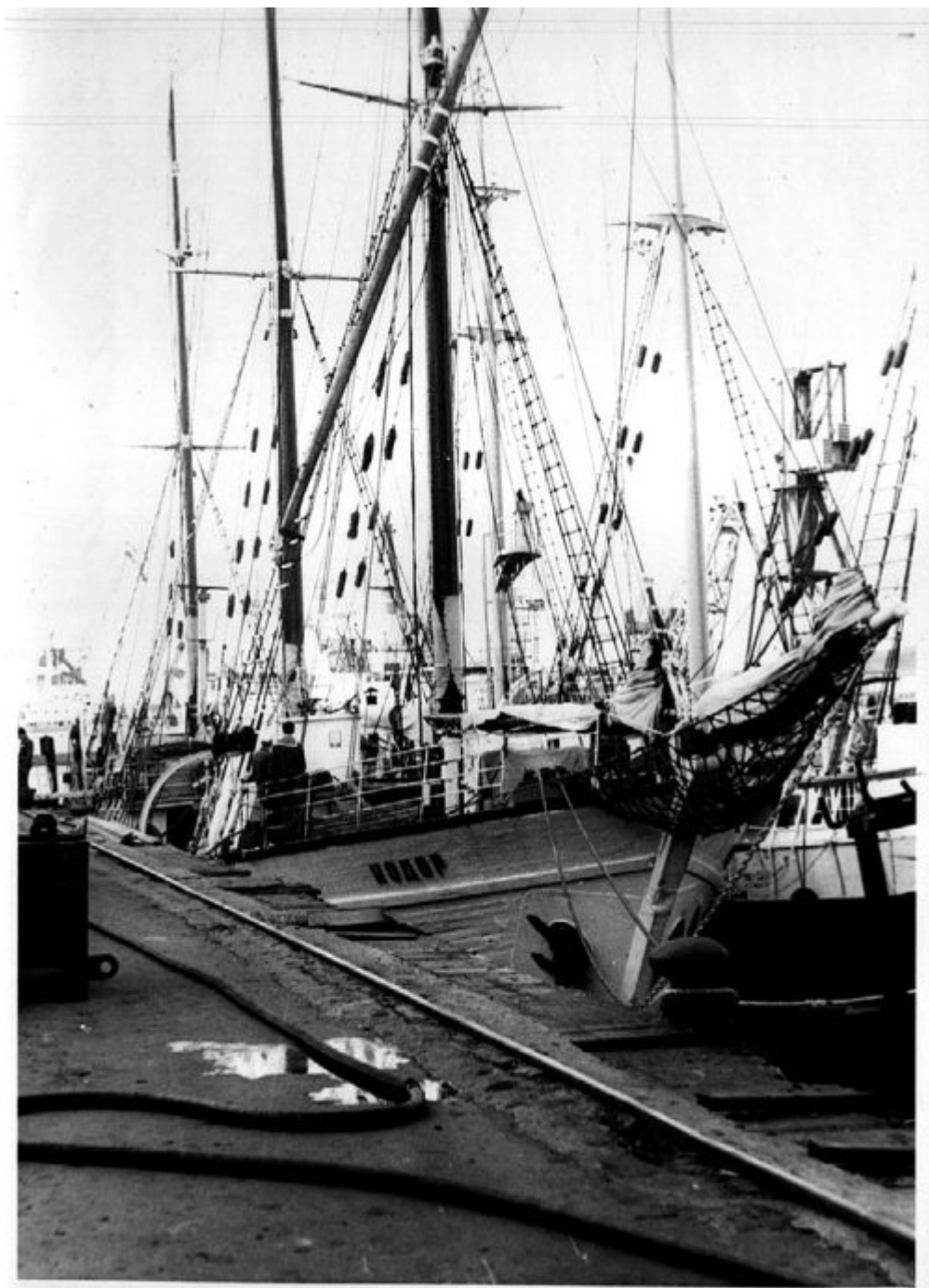
Еще после окончания первого семестра командир роты занялся подготовкой наших документов для получения визы. Каждому курсанту предстояло лично заполнить анкету на четырех страницах, включая графы с данными о родителях. Как известно, в те времена идеологические противоречия раскололи мир на два лагеря, а руководство страны-победительницы испытывало глубокое недоверие к своему народу, отделенному от остального мира «железным занавесом» холодной войны. Все институты государственной власти были обязаны принимать участие в жесточайшем контроле над своими соотечественниками. Особенно строгой проверке подвергался гражданин, вознамерившийся по своим личным или служебным мотивам выехать за пределы СССР, являющегося, согласно установкам партийных идеологов, самым свободным и демократичным обществом в мире. Такую ложь постоянно вбивало в головы советского народа тогдашнее руководство страны. Стоит ли говорить, что на самом деле при этом попирались все гражданские права, а государственная машина была способна унижить и раздавить, как врага народа, любого человека, не говоря уже о том, чтобы закрыть ему доступ в цивилизованный мир.

Так что вскоре выяснилось, что доброй половине курсантов нашей роты дорога за кордон «заказана». В их числе помимо, естественно, неисправимых разгильдяев оказались ребята, у которых были репрессированы родители или осужден кто-то из родственников. Отказано в визе было и тем, кто оказался – даже будучи ребенком – на оккупированной гитлеровцами территории, а также проживавшим за границей и тем, у кого не было родителей. Не повезло и тем, кто был угнан гитлеровцами во время войны вместе с матерями на принудительные работы в Германию. Вот из таких, скажем, «неудачников» была сформирована группа курсантов, получивших направление на практику на учебное судно, выполнявшее плавание в большом каботаже по Балтике с заходами в порты дружественных тогда нам социалистических стран. Этим парусником оказалась бригантина «Сириус», принадлежавшая Ленинградскому высшему инженерному морскому училищу имени адмирала С.О. Макарова. Те же курсанты, которым была открыта виза и которым, как тогда с пафосом говорились, было «оказано высокое доверие партии и народа», отправились в море на шхуне «Кодор», принадлежавшей родному ЛМУ ММФ.

На «Сириусе» и «Кодоре», как и на других учебных парусниках Министерства морского флота такого класса, могли проходить практику одновременно около 45 курсантов, не считая экипажа. Эти небольшие парусники были построены довольно большой серией в Финляндии по заказу ММФ СССР в начале пятидесятых годов и были приписаны к морским училищам, появившимся, как правило, в крупных морских и портовых центрах страны. Парусники предназначались для обучения курсантов необходимым практическим навыкам, а именно морскому делу, навигации и астрономии, но в первую очередь должны были приучить к морской стихии и определить их пригодность к дальнейшей службе на морском флоте.

Шхуна «Кодор» успела совершить дальнейшее плавание вокруг Скандинавии в Архангельск и обратно. А нам предстояло отправиться в другой, не менее увлекательный рейс, вокруг Европы в Одессу с заходами в несколько европейских портов. Об этом объявил нам командир роты вместе с оглашением результатов об открытии виз. Получивших таковые тут же окрестили «счастливыми». Наконец, прошел последний экзамен за первый курс, и мы покинули стены училища, успевшего стать для нас вторым домом.

Прощальное напутствие командования на плацу училища, и вот мы уже на пути в Ленинградский морской торговый порт, где у главных ворот в Гутуевском Ковше дожидалась нас белоснежная шхуна «Кодор». Наконец-то мы поднялись на борт парусника. Радости курсантов не было предела. Во время первого построения капитан поздравил нас с прибытием и пожелал успешной учебной практики. Вслед за этим состоялось знакомство с экипажем парусника. Кстати, на нем до поступления в училище успел поплавать матросом наш курсант Боря Телегин, и мы теперь относились к нему как к «морскому волку» и прислушивались к его советам.

Шхуна «Кодор»

В то время шхуной «Кодор» командовал легендарный капитан Александр Александрович Аристов, старшим помощником у него был Александр Анатольевич Чечулин, вторым штурманом – Александр Александрович Чабан, а третьим – Анатолий Николаевич Халипов. Боцманом оказался однофамилец капитана А.В. Аристов. Накануне войны они вместе плавали на пароходе «Псков», война застала судно в польском порту Щецин, и весь экипаж был интернирован гитлеровцами. Только в конце войны их освободили из концлагеря наступающие части Красной армии. Как побывавшие в плену, они надолго лишились визы и только в начале пятидесятых вновь были допущены к работе на судах заграничного плава-

ния. Оказавшись на парусниках, они занялись обучением молодых моряков и проявили себя как замечательные наставники.

Однако до выхода судна в море нашему брату предстояло еще адаптироваться к непростой службе на паруснике. Всех курсантов расписали по вахтам. Каждый из нас был приписан к определенной мачте парусника: фоку (носовой), гроту (средней и самой большой) и бизани (кормовой). Под руководством штурманов, боцмана и матросов мы приступили к отработке учебных тревог – пожарной и водяной, действий по команде «Человек за бортом», а также процедуры спуска и подъема спасательных шлюпок согласно «Судовому расписанию по тревогам». Учились несению вахтенной службы на стоянке судна и на ходу, парусному делу и постановке парусов, не забывая о повседневных судовых работах, назначенных боцманом. Но самым ответственным стал этап подготовки к работе на мачтах с бегучим и стоячим такелажем парусного вооружения судна и освоение правил техники безопасности при работе на высоте. К тому же после зимнего отстоя парусника в порту требовалась покраска надводного борта корпуса и надстроек. Так мы обрели навыки подготовки поверхностей к покраске эмалевой краской с предварительной шпаклевкой и грунтовкой. Деревянные же детали циклевались и покрывались лаком. Все это пригодилось потом во время практических плаваний в последующие годы, когда мы выполняли обязанности классных матросов в составе экипажей судов Черноморского и Балтийского морских пароходств.

Мы научились по авралу ставить паруса на мачтах, ловко взбегать по вантам и уверенно ходить по пертам (снасть на рее мачты), когда кроме косых парусов приходилось ставить на грот-мачте прямой парус брефок. При работе с этим парусом требовалось надеть на себя страховочный пояс со специальным карабином, соединенным со стоячим такелажем на рее мачты, а стоять и передвигаться по тросу рея, именуемому пертом (часть стоячего такелажа). Поначалу на такой высоте было страшновато: палуба парусника казалась далеко внизу и выглядела узким островком, вокруг простиралось бескрайнее море. Но ежедневные тренировки по постановке парусов укрепили уверенность капитана и офицеров судна в том, что мы справимся со своими обязанностями и успешно завершим рейс вокруг Европы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Стоимость полной версии книги 70,00р. (на 06.04.2014).

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.